

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

Въ началѣ этой книги идетъ изслѣдованіе о жизни стражей; потому что Адимантъ находитъ ее столь суровою, что она далеко не вознаграждаетъ стража счастьемъ за множество и тягость его обязанностей. На возраженіе Адиманта Сократъ отвѣчаетъ, что они устрояютъ государство для счастья не одного какого-нибудь сословія, а цѣлаго общества; ибо въ такомъ только обществѣ — единомъ и во всѣхъ своихъ частяхъ согласномъ — надѣются они найти справедливость, а въ обществѣ, устроенномъ худо, найдутъ несправедливость. Далѣе приводитъ онъ причину, почему стражи должны быть содержимы въ предѣлахъ такой строгой, простой и неприхотливой жизни: иначе невозможно, говорить, чтобы они, какъ слѣдуетъ, исполняли свои обязанности; а отъ неисполненія обязанностей общество должно разрушиться, — такъ какъ общественное благоденствіе сохраняется лишь тамъ, гдѣ отдѣльныя сословія исполняютъ свой долгъ и наслаждаются счастьемъ въ той мѣрѣ, какая сообразна съ родомъ ихъ занятій. Р. 419 — 421 С. Два обстоятельства особенно препятствуютъ каждому гражданину надлежащимъ образомъ исполнять обязанности: излишнее богатство, поражающее роскошью, нѣгу и лѣность, — и недостатокъ жизненныхъ средствъ, возбуждающій въ обществѣ преступленія, пороки и волненія. Поэтому правители государства должны всячески стараться предотвращать то и другое зло. Но кто-нибудь скажетъ: какимъ образомъ общество, безъ помощи матеріальныхъ средствъ и богатства, можетъ вести войну съ сосѣднимъ богатымъ государствомъ? Отвѣчаемъ: во-первыхъ, наши граждане чужды будущаго изнѣженности, которая расслабляетъ силы воиновъ, и потому своимъ мужествомъ

далеко превзойдутъ другихъ ; во-вторыхъ, прославившись своимъ воздержаніемъ у богатыхъ сосѣдей, они легко будутъ входить въ дружескія съ ними связи. Пусть пограничное общество будетъ сильно своимъ богатствомъ: для насъ оно чрезъ то не сдѣлается страшнымъ; потому что въ немъ на самомъ дѣлѣ не одно общество, — въ немъ, по неравному состоянію гражданъ, много обществъ, взаимно враждебныхъ; слѣдовательно ему недостаетъ самой твердой опоры общественнаго благосостоянія,— недостаетъ согласія гражданъ. Итакъ, пока нашъ городъ сохранить простоту и постоянное равенство, котораго мы въ немъ домогаемся, дотолѣ онъ будетъ могущественнѣйшимъ и, по внутренней связности отдѣльныхъ частей, непобѣдимымъ. Р. 421 С — 423 В. Изъ этого видно также, далеко ли, не вредя общественному благосостоянію, могутъ простираться предѣлы земли. Пока будетъ сохраняться единство общества и, многочисленностію частей, изъ которыхъ оно состоитъ, не разрушится его связность, дотолѣ предѣлы его могутъ раздвигаться. Поэтому правители нашего государства будутъ смотрѣть не на то, какъ бы увеличить его территорію, а на то, какъ бы соблюсти въ немъ единство и согласіе, чтобы оно было достаточно для защиты себя. Но это достигнуто будетъ всего лучше, если въ обществѣ всякій направится къ такимъ занятіямъ, къ которымъ онъ склоненъ по природѣ, и если въ музыкѣ и гимнастикѣ мы не отступимъ отъ тѣхъ правилъ, которыя постановили: въ противномъ случаѣ надобно опасаться, какъ бы не развратились нравы гражданъ. Впрочемъ и число законовъ не должно быть безразсудно увеличиваемо; ибо воспитанные и наставленные разумно, сами поймутъ, что въ частныхъ дѣлахъ ихъ можетъ быть съ точностію опредѣлено законами. Поэтому о конституціи общества, о сношеніяхъ женщинъ и дѣтей, и о другихъ предметахъ, особенныя правила не нужны. А что относится къ религіи и богопочтенію, то, въ случаѣ какихъ-нибудь недомѣній, должно быть рѣшаемо изреченіями оракуловъ. Р. 423 D — 427 С.

Когда общество было такимъ образомъ устроено,—Сократъ пригласилъ всѣхъ смотрѣть, гдѣ въ немъ проявляется справедливость и гдѣ несправедливость; какое между тою и другою

имѣется различіе, и которую изъ нихъ долженъ приобрѣсть человекъ, желающій быть блаженнымъ,—замѣтятъ ли его боги и люди, или не замѣтятъ. Все это откроется весьма легко, говорить онъ, если по тѣмъ добродѣтелямъ общества, которыя уже извѣстны, мы изслѣдуемъ то, что еще темно, то-есть природу справедливости. Такъ какъ созданное нами общество совершенно, то само собою разумѣется, что оно должно заключать въ себѣ тѣ четыре вида добродѣтели, которыми условливается всякое совершенство, то-есть: мудрость, мужество, разсудительность и справедливость. *Благоразуміе* или *мудрость* общества усматривается не въ томъ, что въ немъ есть разнаго рода мастера, хотя бы они составляли значительное число гражданъ, а въ томъ особенно, что оно мудро управляется; и когда эта мудрость принадлежитъ тѣмъ, которые управляютъ обществомъ, тогда,—понятно, — она должна выразиться благоразуміемъ и цѣлаго общества. То же надобно сказать и о мужествѣ. *Мужество* приписывается цѣлому обществу — не потому, что всѣ отдѣльные граждане отличаются этою добродѣтелію, а потому что мужественны его стражи, которые такъ воспитаны и обучены, что знаютъ, чего надобно бояться, какъ страшнаго, и какимъ образомъ должно удалять угрожающія обществу опасности. Р. 427 С—430 С. Но не такова въ этомъ отношеніи *разсудительность*. Она усматривается въ томъ, что человекъ можетъ управлять своими страстями и какбы одерживать побѣду надъ самимъ собою. Поэтому наше общество должно отличаться разсудительностію въ тѣхъ видахъ, что оно управляется мужами мудрыми, которые имѣютъ довольно силы обуздывать страсти толпы и направлять ихъ къ добрымъ цѣлямъ. Изъ этого видно, что разсудительность свойственна не одной какой-нибудь части государства, но должна господствовать во всѣхъ его sloяхъ и повсюду умѣрять страстные движенія гражданъ. Р. 430 С — 432 А. Теперь надобно изслѣдовать *справедливость*. Донынѣ недоставало у насъ такой добродѣтели, которая заключала бы въ себѣ начало и причину упомянутыхъ выше добродѣтелей и сообщала бы имъ твердость и постоянство. Все это дѣлаетъ справедливость; ибо она стремится къ тому, чтобы всякая часть общества вѣрно исполняла свои обязанности и не

вмѣшивалась въ дѣла чужія. Поэтому общество основательно называется справедливымъ, когда три его сословія, — художники, стражи и правители, оставивъ занятія другихъ, хорошо ведутъ собственное свое дѣло. Напротивъ, *πολυπραγμοσύνη* тѣхъ сословій, или вмѣшательство ихъ въ чужія должности, производящее тревогу между гражданами, есть несправедливость. Р. 434 С.

Чтобы яснѣе было видно, что именно такъ надобно понимать справедливость и несправедливость, Сократъ это понятіе о нихъ прилагаетъ къ дѣятельности лицъ, взятыхъ порознь. Мы предполагали, говоритъ онъ, сперва разсматривать справедливость въ большемъ и осязательнѣйшемъ предметѣ, чтобы такимъ образомъ легче можно было уразумѣть ее, а потомъ перейти къ созерцанію ея въ отдѣльномъ человѣкѣ. Итакъ, сдѣлавъ первое, мы приступимъ теперь къ послѣднему. Р. 434 D. E.

То опредѣленіе справедливости, которое мы установили, разсматривая эту добродѣтель въ обществѣ, примѣнимо будетъ и къ отдѣльному человѣку, если въ человѣческомъ духѣ найдутся *три вида, εἶδη, совершенно соответствующіе найденнымъ тремъ сословіямъ общества*. Итакъ, спрашивается: — душа все совершаетъ одною ли и тою же силою, или въ ней есть различныя способности? Чтобы въ этомъ отношеніи открыть что-нибудь вѣрное, разсмотримъ дѣло такъ. Быть не можетъ, чтобы одна и та же вещь одною и тою же своею частію производила или принимала противное. И тутъ надобно всячески остерегаться, какъ бы не впасть въ обманъ, слѣдуя всеневному употребленію рѣчи, по которому тѣмъ же вещамъ нерѣдко приписываются противоположныя свойства и дѣйствія. Такъ, на примѣръ, мы часто говоримъ, что человѣкъ въ одно и то же время покоится и движется, тогда какъ онъ одною своею частію покоится, а другою движется. Или, на примѣръ, мы утверждаемъ, что вихрь, вращаясь около своего центра, и стоитъ и движется: относительно къ отвѣсной своей линіи, онъ стоитъ, а относительно къ бѣгу, движется. Этимъ нисколько не уничтожается тотъ законъ, по которому мы почитаемъ невозможнымъ, чтобы что-нибудь одною и тою же своею частію производило или при-

нимало дѣйствія противныя. А отсюда слѣдуетъ, что если въ вещи заключаются начала противныя, то она не вовсе одна, но состоитъ изъ частей различныхъ. Въ нашей душѣ, можетъ быть, прежде всего можно замѣчать великій разладъ между умомъ и пожеланіемъ. Какъ онъ проявляется, — это нетрудно усмотрѣть изъ свойства голода и жажды. Весьма часто случается, что человѣкъ сильно хочетъ ѣсть или пить; однакожъ по какимъ-нибудь причинамъ удерживается отъ того и другаго. Слѣдовательно, есть что-то въ душѣ, возбраняющее ей удовлетворить голоду или жадѣ, есть что-то, прямо противное ея пожеланію. Это противное пожеланію начало называется умомъ. Итакъ, въ душѣ надобно различать двѣ силы, одну — τὸ λογιστικόν, другую — τὸ ἄλογον, или τὴν ἐπιθυμίαν. Но на этомъ раздѣленіи силъ остановиться еще нельзя. Сила пожеланія снова дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна есть *θυμοειδές*, а другая — τὸ ἐπιθυμητικόν. Ὁ θυμός, какъ бы гнѣвъ и негодование, часто находится во враждебномъ отношеніи къ нашимъ пожеланіямъ и страстямъ и возстаетъ противъ нихъ подъ управленіемъ ума, чтобы они не стѣсняли разумной его природы. Такимъ образомъ ὁ θυμός, или τὸ θυμοειδές, становится началомъ, отъ пожелательной природы отличнымъ. Отлично оно также и отъ ума: это видно изъ того, что τὸ θυμοειδές замѣчаютъ уже въ дѣтихъ, тогда какъ умъ въ нихъ еще не проявляется. Р. 435 А. — 441 В.

Итакъ, надобно различать три части души, совершенно соответствующія тѣмъ, усмотрѣннымъ прежде сословіямъ общества: ибо τὸ ἐπιθυμητικόν соответствуетъ τῷ χρηματιστικῷ, τὸ θυμοειδές — τῷ ἐπικουρικῷ, τὸ λογιστικόν — τῷ φυλακικῷ. Если же такъ, то мудрость, мужество, разсудительность и справедливость точно такимъ же образомъ должны быть приписываемы и отдѣльнымъ лицамъ, какъ приписываются они цѣлому обществу. Въ самомъ дѣлѣ, *справедливость* представлялась въ обществѣ такую добродѣтельную, по которой каждое сословіе исполняетъ свои собственные обязанности: поэтому и въ душѣ она есть не иное что, какъ такое настроеніе различныхъ силъ, по которому всякая изъ нихъ дѣлаетъ свое и не мѣшается въ чужое, по которому, то есть, τὸ λογιστικόν управляетъ, τὸ θυμοειδές повинуется началу правительственному и помогаетъ ему обуздывать порывы страстей.

А чтобы при этомъ соблюдалось согласіе отдѣльныхъ сплъ, τὸ λογιστικόν и τὸ θυμοειδές, подобно тому, какъ въ обществѣ—правители и стражи, должны быть развиваемы музыкою и гимнастикой. Съ такою справедливостью соединено будетъ и мужество, которое имѣетъ свое сѣдалище ἐν τῷ θυμοειδῆι и въ немъ дѣйствуетъ, чтобы постоянно выслушивать и исполнять предписанія ума. Не будетъ здѣсь недостатка и въ мудрости, которой свойственно обитать ἐν τῷ λογιστικῷ и которая усматриваетъ и познаетъ, что полезно какъ отдѣльнымъ частямъ, такъ и всей вообще душѣ. При справедливости проявится также и разсудительность, означающая содружество и согласіе трехъ частей души, чтобы не было противленія владычеству ума. Р. 441 В—443 D.

Кто все-таки не увѣренъ, что справедливость и въ обществѣ и въ отдѣльномъ человѣкѣ одна и та же, для того это можетъ быть доказано еще тверже. Человѣкъ, въ душѣ котораго обитаетъ описанная нами справедливость, никогда не допустить, чтобы дѣла его были совершаемы вѣроломно, несправедливо, нечестиво, незаконно, — и не допустить единственно потому, что отдѣльныя части его души всегда и во всемъ занимаютъ каждая своею обязанностью. Справедливость сохраняетъ тотъ, кто неуклонно упорядочиваетъ въ себѣ свое, кто постоянно согласенъ самъ съ собою, у кого тѣ три части души, будто три части гармоніи — низкій, высокій и средней, всегда подстроены, и кто, чрезъ такой строй, свое многое удерживаетъ въ единствѣ и простотѣ. Въ этомъ состояніи онъ, какъ упорядочилъ себя внутренно, такимъ будетъ и на площади — въ собираніи денегъ, въ обхожденіи съ тѣломъ, въ храненіи условій, въ исполненіи дѣлъ общественныхъ: во всемъ этомъ будетъ онъ имѣть въ виду дѣятельность справедливую, которая обратится въ навѣкъ и никакъ не допуститъ навѣка противоположнаго, свойственнаго несправедливости. Р. 442 D—443 E.

Изслѣдовавъ, что такое справедливость, нетрудно уже узнать природу и несправедливости. Она есть не иное что, какъ разладъ, или взаимная подѣискиваемость тѣхъ трехъ частей одной подъ другую, когда всякая изъ нихъ занимается дѣлами чужими и когда, вмѣсто того чтобы покоряться, онѣ выходятъ изъ повиновенія части разумной. Поэтому несправедливость обык-

новенно сопровождается заблужденіями, незнаніемъ, неразумностью и пороками всякаго рода. Р. 444 А. В.

Справедливыя и несправедливыя дѣйствія—то же для души, что здоровая и вредная пища для тѣла. Какъ вредная пища причиняетъ болѣзнь тѣлу: такъ несправедливыя поступки поражаютъ болѣзнию душу. И напротивъ, какъ здоровая пища доставляетъ здоровье тѣлу: такъ справедливыя поступки укрѣпляютъ душу. Доставлять здоровье тѣлу есть не иное что, какъ поставлять его части въ такое отношеніе, въ какомъ онѣ или управляли бы, или управлялись другими, сообразно съ своею природою: напротивъ, подвергнуть тѣло болѣзни — значить сдѣлать, чтобы его части управлялись или управляли вопреки ихъ природѣ. Отсюда видно происхожденіе справедливости и несправедливости. Когда отдѣльныя части души таковы, что управляютъ и управляются согласно съ природою, тогда рождается справедливость: напротивъ, когда то, что по природѣ должно повиноваться другому, начинаетъ, вопреки природѣ, управлять другимъ, а что должно управлять, то повинуется; тогда происходитъ несправедливость. Р. 444 В — D. Поэтому добродѣтель, какъ видно, состоитъ въ нѣкоторомъ здравіи души, въ ея красотѣ и благообразіи: напротивъ, порочность есть не иное что, какъ болѣзнь, безобразіе и безсиліе. Къ добродѣтели ведутъ достоуважаемыя занятія; а порочность питается страстями. Р. 444 D. Е.

Остается спросить: полезно ли уважать справедливость и стараться о дѣятельности честной, — пусть бы утаился добрый человекъ, или не утаился, — или лучше поступать несправедливо, когда есть возможность избѣжать наказанія, и когда отъ наказанія не сдѣлаешься лучшимъ? Главкону этотъ вопросъ кажется совершенно бесполезнымъ, если природа справедливости и несправедливости дѣйствительно такова. Но Сократъ полагаетъ, что изслѣдованіе означеннаго предмета вовсе не лишне. Итакъ онъ различаетъ *пять формъ души и столько же формъ общества, и изъ нихъ одну признаетъ правильною, а прочія четыре — худыми*. Р. 445 А — Е.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

419. Но Адимантъ возразилъ: чѣмъ однакожъ защититься тебѣ, Сократъ, когда кто скажетъ, что этихъ людей дѣлаешь ты неслишкомъ счастливыми — и притомъ по собственной ихъ волѣ? ибо справедливо имѣя городъ въ своей власти, они не пользуются никакимъ его благомъ, какъ другіе, которые приобрѣтаютъ поля, строятъ прекрасные и огромные дома, покупаютъ соответствующую имъ мебель, приносятъ богамъ особенныя жертвы, принимаютъ гостей, да еще, какъ ты сейчасъ сказалъ, собираютъ золото, серебро и все, что признается за необходимое имѣть людямъ счастливымъ. Вѣдь это просто, можно сказать, какъ бы наемные надзиратели, которые сидятъ въ
420. городѣ, занимаясь, кажется, только карауломъ. — Да, отвѣчалъ я; и притомъ караулятъ лишь изъ хлѣба и, кромѣ хлѣба, жалованья, подобно другимъ, не получаютъ; такъ что и предпринимать частныя путешествія, еслибы захотѣли, и дарить любовницъ, и для удовлетворенія какимъ-нибудь другимъ желаніямъ сорить деньги, — хотя сорители-то ихъ и представляются людьми счастливыми, — имъ не позволительно. Этого и всего такого же ты не внесъ въ свое возраженіе. — Такъ пусть войдетъ и это, примолвилъ онъ.
- В. Чѣмъ же, скажешь, защитимъ мы свое положеніе? — Да; но мы найдемъ, кажется, что говорить, если пойдемъ тою

же дорогою; ибо скажемъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если и эти такимъ образомъ будутъ людьми самыми счастливыми, — только вѣдь мы устроаемъ городъ, смотря не на то, какъ бы намъ сдѣлать счастливымъ исключительно этотъ классъ народа, а на то, какимъ бы образомъ упрочить счастье цѣлаго города: вѣдь въ такомъ-то особенно городѣ привыкли мы находить справедливость, равно какъ въ городѣ, весьма худо устроенномъ,—несправедливость, и смотря на это, судить о предметѣ давнихъ нашихъ изслѣдованій. Теперь мы, по обычаю, о счастливомъ городѣ С. составляемъ себѣ понятіе не частное и беремъ его относительно не къ нѣсколькимъ человѣкамъ, а къ цѣлому; а потомъ уже будемъ изслѣдовать противоположное этому. Пусть бы къ намъ, когда мы срисовываемъ статую, кто-нибудь подошелъ и, порицая насъ, сказалъ, что для прекраснѣйшихъ частей животнаго у насъ употребляются не прекраснѣйшіе цвѣта: глаза, на примѣръ, орудія прекраснѣйшія, наводятся не пурпуровою, а черною краскою. Противъ такого порицателя мы могли бы, кажется, порядочно защититься, говоря: Не думай, чудный человѣкъ, D. будто мы должны рисовать столь прекрасные глаза, чтобы они не казались ни глазами, ни другими членами. Смотри-ка, не тогда ли является у насъ прекрасное цѣлое, когда каждому члену приписывается, что къ нему идетъ. Такъ-то и теперь—не принуждай насъ съ званіемъ стражей соединять такое счастье, которое скорѣе сдѣлаетъ ихъ всѣмъ, чѣмъ стражами. Вѣдь сумѣли бы мы и земледѣльцевъ одѣть E. въ богатотканые плащи и подпоясать золотомъ, а потомъ велѣть имъ для удовольствія обрабатывать землю, — либо гончарамъ, поудобнѣе наклонившись къ огню, пить и бражничать, и въ то же время, придвинувъ къ себѣ станокъ, обдѣлывать, сколько захочется, черепицы, и такимъ же образомъ сдѣлать счастливыми всѣхъ другихъ, чтобы блаженствовалъ цѣлый городъ. Такъ не внушай намъ этого; потому что, если мы послушаемся тебя,—у насъ ни зем-

ледѣлецъ не будетъ земледѣльцемъ, ни гончаръ — гончаромъ, и никто другой не удержитъ какой-либо изъ тѣхъ формъ, изъ которыхъ составляется городъ. Впрочемъ значеніе другихъ классовъ маловажныѣ. Башмачники, напри- мѣръ, если они сдѣлались худыми и порочными, а прикиды- ваются не такими, каковы на самомъ дѣлѣ, — для города еще не страшны: напротивъ, когда стражи законовъ и города не бываютъ такими, а только кажутся, — смотри-ка, до основанія сгубятъ весь городъ; между тѣмъ какъ, съ другой стороны, отъ нихъ-то и зависитъ благоустройство его и счастье. Итакъ, если стражей мы сдѣлаемъ дѣйствительно стражами, то сдѣлаемъ ихъ менѣе всего вредными для го-
 В. рода: напротивъ, кто говоритъ прежде, то-есть о какихъ-нибудь земледѣльцахъ, какъ о счастливыхъ гулякахъ въ праздничномъ собраніи, а не въ городѣ; тотъ имѣетъ въ виду, кажется, что-то другое, а не городъ. Поэтому надобно изслѣдовать, смотря ли на то поставлять намъ стражей, чтобы удѣломъ ихъ самихъ было какъ можно большее счастье, или наблюдая то, доставляется ли оно цѣлому го-
 С. роду, — и этихъ попечителей и стражей принуждать къ должному и убѣждать ихъ, чтобы они были отличными исполнителями своего дѣла, равно какъ и всѣхъ другихъ, и такимъ образомъ, при развитіи и благоустроеніи всего города, предоставлять каждому сословію ту мѣру счастья, какую которому позволяетъ получать его природа. — А ты хорошо говоришь, замѣтилъ онъ. — Но покажется ли тебѣ порядочнымъ сродное съ этимъ мое разсужденіе? — Какое именно? — Смотри, не вредитъ ли это другимъ дѣятелямъ —
 D. до того, что они становятся худыми? — Что, то-есть? — Богатство и бѣдность, сказалъ я. — Какимъ же образомъ? — А вотъ какъ. Разбогатѣвшій горшечникъ захочетъ ли еще, думаешь, много заботиться о своемъ искусствѣ? — Никакъ, сказалъ онъ. — Не сдѣлается ли онъ скорѣе лѣнивымъ и безпечнымъ относительно своего дѣла? — И очень. — Стало-быть, не сдѣлается ли худшимъ горшечникомъ? — Немало

и такихъ случаевъ. — То же опять, — кто по бѣдности не можетъ достать себѣ даже орудій, или чего другаго, относящагося къ искусству; тотъ и самъ будетъ производить вещи худшаго качества, и сыновей, или другихъ своихъ Е. учениковъ сдѣлаетъ худшими производителями. — Какъ не сдѣлаетъ? — Значить, и отъ того и отъ другаго, — и отъ бѣдности и отъ богатства, какъ произведенія искусствъ, такъ и сами искусники становятся худшими. — Явно. — Такъ теперь, повидимому, мы нашли другое, что стражи должны всѣми силами караулить, какъ бы это безъ ихъ вѣдома не проникло въ городъ. — Что такое разумѣешь ты? — Богатство и бѣдность, сказалъ я; потому что первое располагаетъ къ роскоши, лѣности и желанію новизны, а послѣдняя — къ раболѣпствованію и злоухищреніямъ для новизны. — Конечно, сказалъ онъ; однакожь смотри, и на то, Сократъ, какимъ образомъ городъ будетъ у насъ имѣть возможность вести войну, когда онъ не пріобрѣтетъ денегъ, — особенно если необходимость заставитъ воевать съ городомъ великимъ и богатымъ. — Явно, сказалъ я, что съ однимъ труднѣе, а съ двумя такими легче. — Какъ это? В. спросилъ онъ. — Да первое можетъ быть оттого, отвѣчалъ я, что если понадобится сражаться, — не съ богатыми ли людьми будутъ сражаться наши истинные ратоборцы? — Конечно такъ, сказалъ онъ. — Что же, Адимантъ? продолжалъ я. Если боецъ, сколько можно лучше приготовленный къ этому дѣлу, бьется съ двумя небойцами, но богатыми и тучными людьми, — не полагаешь ли, что ему легче бываетъ биться? — Можетъ быть, — особенно если они не вмѣстѣ, отвѣчалъ онъ. — Развѣ нельзя ему иногда, продолжалъ я, убѣгая, вдругъ обратиться назадъ и толкнуть первого наступающаго, и чаще дѣлать это во время солнечное С. и знойное? Развѣ, будучи таковымъ, не усмирить онъ многихъ подобныхъ? — Конечно, сказалъ онъ; тутъ не было бы ничего удивительнаго. — Но не думаешь ли ты, что богатые, по своему знанію и опытности, сильнѣе въ кулач-

422.

номъ, чѣмъ въ военномъ искусствѣ?—Думаю, сказалъ онъ. —Значить, ратоборцы у насъ, по всей вѣроятности, легко будутъ сражаться съ двойнымъ и тройнымъ числомъ (богатыхъ). — Уступаю тебѣ, сказалъ онъ; ибо ты, кажетъ.

D. ся, говоришь правду. — Что еще? если они, отправивъ посольство къ другому городу, скажутъ правду, что мы ни на что не употребляемъ золота и серебра, что этого законъ намъ не позволяетъ, а развѣ вамъ; посему, воюя съ нами, имѣйте въ виду (золото и серебро) другихъ:—думаешь ли, что слыша это, рѣшатся они воевать лучше противъ костлявыхъ и тощихъ собакъ, чѣмъ съ собаками противъ тучныхъ и мягкотѣлыхъ овецъ? — Не думаю; однакожь если деньги другихъ городовъ собраны будутъ въ одномъ, —

E. смотри, какъ бы это не навлекло опасности на городъ небогатѣющій. — Счастливъ ты, примолвилъ я, что думаешь, будто стоитъ называть городомъ какой-нибудь другой, кромѣ того, который мы устроили.—Почему же не такъ? сказалъ онъ.—Прочіе, продолжалъ я, надобно называть городами въ числѣ множественномъ; потому что каждый изъ нихъ —многіе города, а не городъ въ смыслѣ игроковъ ¹. Сколь бы малъ онъ ни былъ, —въ немъ всегда есть два взаимно

423. враждебныхъ города: одинъ городъ бѣдныхъ, другой — богатыхъ, и въ обоихъ — опять много городовъ, на которые если будешь наступать, какъ на одинъ,—вполнѣ ошибешься, наступая же какъ на многіе и отдавая однимъ, что принадлежитъ другимъ, какъ-то: деньги, власть, даже самыя лица,—будешь имѣть много союзниковъ и мало враговъ. Пока городъ у тебя будетъ устроиться мудро, какъ сейчасъ постановлено, — онъ сдѣлается величайшимъ, — и величайшимъ, говорю, не повидимому, а по истинѣ, хотя бы въ немъ была только тысяча защитниковъ. Такой-

¹ А не городъ въ смыслѣ игроковъ. Scholiast. πόλεις παίζουσιν — εἶδος ἐστὶ πεπταύτηκῆς παιδίας· μετῴχται δὲ καὶ εἰς παρομίαν. Тоже и у Свиды u. πόλεις. Conf. interpp. ad Polluc. IX, 7. Meurs. de ludis Gracc. in Gronov. Thesaur. T. VII, p. 983. Erasmt. Adagg. Chil. III. cent. II, 28. Эта игра въ города походила, кажется, на нынѣшнюю игру шахматную.

то одинъ великій городъ нелегко найти ни у Грековъ, ни В. у варваровъ; а кажущихся (великими) много, и они еще разнообразѣе описаннаго. Или тебѣ представляется иначе?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—

Такъ вотъ это, продолжалъ я, будутъ и наилучшія границы для нашихъ правителей:—такимъ по величинѣ должны они сдѣлать свой городъ и, сообразно съ его величиною, столько отдѣлать для него земли, а прочую оставить. — Что такое границы? спросилъ онъ.—Думаю, вотъ что, отвѣчалъ я: докуда можетъ распространяться городъ, оставаясь однимъ, дотуда чтобы онъ и простирался, а не далѣе. — Да и хорошо вѣдь, сказалъ онъ.—Такъ и это еще—другое приказаніе отдадимъ мы стражамъ: пусть они всячески наблюдаютъ, чтобы городъ съ внѣшней стороны¹ не былъ ни малъ, ни великъ, но самодоволенъ и одинъ.—И можетъ быть прикажемъ имъ бездѣлицу, замѣтилъ онъ.—Но вѣдь и этого маловажнѣе то, сказалъ я, о чемъ мы упомянули прежде: если, то-есть, кто-нибудь изъ стражей окажется выродкомъ, —надобно отсылать его къ другимъ; а кто между другими будетъ хорошъ, того переводить къ стражамъ. Этимъ вы- D. сказывалось, что и другіе граждане, къ какому дѣлу кто способенъ, къ тому одному исключительно, по-одиначкѣ, и должны быть употребляемы, чтобы каждый, исполняя свое, былъ не множественъ, а единиченъ, и чтобы такимъ образомъ весь городъ сталъ однимъ, а не многими. — Въ самомъ дѣлѣ, это маловажнѣе того, сказалъ онъ.—Конечно, добрый Адимантъ, продолжалъ я; пусть не думаетъ никто, будто эти наши приказанія важны и велики; всѣ они малозна- E. чительны, если (стражи), какъ говорится, блюдутъ одно великое, или, вмѣсто великаго, особенно довлѣющее.—Что

¹ Городомъ съ внѣшней стороны, *δοκούσαν*, Сократъ называетъ общество, разсматриваемое въ явлении, или въ пространственномъ развитіи. Этотъ смыслъ τῆς δοκούσης πόλεως опредѣленъ выше p. 423 A: οὐ τῷ δοκεῖν λέγωι, ἀλλ' ὡς ἀληθῶς μερίστη: μερίστη δὲ αὐτῆν ἕσθαι, ἕως ἂν οἰκῇ σφραγῶς. Это должно быть основаніемъ внутренняго его величія.

же это? спросилъ онъ. — Наставленіе и воспитаніе, отвѣчалъ я; ибо если хорошо наставленные, они явятся людьми порядочными, то легко будутъ усматривать все это, да и прочее, что теперь мы пропускаемъ, какъ-то: избраніе 424. женъ, вступленіе въ бракъ, рожденіе дѣтей; такъ какъ все это надобно сдѣлать, по пословицѣ, общимъ между друзьями¹. — И было бы весьма справедливо, сказалъ онъ. — Да и то еще, продолжалъ я: — если общество однажды пойдетъ хорошо, то будетъ идти какъ увеличивающійся кругъ; потому что соблюденіе добраго воспитанія и наставленія будетъ сообщать ему добрыя естественныя способности; а добрыя естественныя способности, подъ вліяніемъ такого наставленія, сдѣлаются еще лучшими, чѣмъ прежде, — и В. по отношенію ко всему прочему, и по отношенію къ рожденію, подобно тому, какъ это бываетъ у животныхъ. — Да и вѣроятно, сказалъ онъ. — Итакъ, коротко сказать, попечители города должны стремиться къ тому, чтобы онъ не испортился незамѣтно для нихъ самихъ, и чтобы строже всего наблюдаемо было, какъ бы, вопреки порядку, не дѣлалось нововведеній въ гимнастикѣ и музыкѣ², но хранить ту и другую, сколько можно болѣе, слушая съ опасеніемъ, когда кто говоритъ, что *люди особенно уважаютъ то пльіе*,

¹ Указывается на пифагорейскую пословицу: τὰ τῶν φίλων κοινά. См. *Rittershus*, ad Porphyg. vit. Pythag. p. 46. *Heusinger*. ad Cicer. de Officiis I, 16, 5. О самомъ предметѣ снес. libr. V, p. 464 B sqq.

² Сократъ внушаетъ ту мысль, что правительство должно болѣе всего заботиться, чтобы въ общество не проникло поврежденіе нравовъ; а для этого надобно наблюдать за гимнастикой и музыкой, какъ бы въ нихъ не произошло какихъ-либо нововведеній, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ сказано было выше. Особенно же слѣдуетъ смотрѣть за музыкой; потому что ея-то извѣженность болѣе всего содѣйствуетъ порчѣ доброй нравственности и развиваетъ женоподобіе въ массѣ народа. Этому мнѣнію философа, конечно, никто не будетъ удивляться, помня, что музыка у Грековъ находилась въ самой тѣсной связи со всѣми свободными науками. Потому-то жалобы на искаженіе характера древней музыки мы встрѣчаемъ и у многихъ другихъ греческихъ писателей. См. *Aristoxen*. ap. *Athen*. XIV, p. 362 A. Сравни. *Plat*. *Legg*. libr. II, p. 656 C—659 E. *Libr*, III, p. 700 A sqq. *Plut*. de Music. p. 1141 D. *Dio Chrysost*. Or. XXXII, p. 380 C, al.

Которое вновь привзошло у поющих¹, что поэтотъ часто называютъ не того, кто составляетъ новыя пѣсни, а того, кто выдумываетъ новый образъ пѣснопѣнія и хвалить это. Между тѣмъ не должно ни хвалить такихъ вещей, ни принимать ихъ. Отъ введенія новаго рода музыки дѣйствительно нужно беречься, такъ какъ оно вообще опасно; ибо формы ея не трогаются нигдѣ помимо величайшихъ законовъ гражданскихъ: это говоритъ Дамонъ,—и я вѣрю ему.—Присоедини же и меня къ числу вѣрующихъ, примолвилъ Адимантъ.—Такъ вотъ здѣсь, видно, со стороны музыки, продолжалъ я, стражи должны построить крѣпость.—И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ; нарушеніе закона, входя этимъ путемъ, легко прячется. — Да, примолвилъ я, — такъ себѣ, подъ видомъ увеселеній, какбы не дѣлая ничего худаго. — Да вѣдь и не дѣлаетъ ничего, замѣтилъ онъ, кромѣ того, что понемногу вкрадывается, молча вибдрется въ нравы и занятія, и отсюда уже болѣе ощутимо переходитъ во взаимныя отношенія, а изъ отношеній-то, Сократъ, съ великою наглостію возстааетъ на законы и правительство и оканчиваетъ испроверженіемъ всего частно и общественно². — Хорошо, Е. сказалъ я; такъ это вѣрно?—Мнѣ кажется, отвѣчалъ онъ. —Поэтому, нашимъ дѣтямъ, какъ мы и сначала говорили, надобно тотчасъ же принимать участіе въ увеселеніи законномъ; ибо если оно будетъ противузаконно и такими же сдѣлаетъ нашихъ дѣтей, то возрастить изъ нихъ мужей законныхъ и ревностныхъ окажется невозможнымъ.— 425. Какъ же иначе? сказалъ онъ.—Стало-быть, если дѣти, на-

¹ Платонъ указываетъ на 452 стихъ первой книги Омировой Одиссеи. Этого же мнѣнія держится Ксенофонтъ (Сугор. 1. 6).

² Эту мысль впоследствии подтвердилъ и Цицеронъ, *legg. II, 15, 38. Assentior enim Platoni, nihil tam facile in animos teneros atque molles influere quam varios canendi sonos, quorum dici vix potest quanta vis sit in utramque partem. Conf. Maxim. Tyr. XXXVII, 4.* Платонъ, какъ мы видѣли выше, не изгонялъ изъ музыки мелодій нѣжныхъ, трогających и смягчающихъ чувство, а только требовалъ, чтобы онъ не разслабляли души, не портили нравственности и не развивали страстей.

чавъ играть хорошо, посредствомъ музыки пріобрѣли уваженіе къ закону, то законность, въ противоположность тѣмъ дѣтямъ, будетъ во всемъ сопровождать и возвращать ихъ, исправляя даже и то, что прежде оставалось (пренебреженнымъ) въ городѣ. — Это правда, сказалъ онъ. — Слѣдовательно эти послѣдніе, продолжалъ я, и маловажное, по видимому, отпечатлѣютъ законностию, тогда какъ первые

В. погубятъ все такое. — Что именно? — А вотъ что: молчаніе младшихъ предъ старшими, какое прилично, постороненіе, вставаніе и почитаніе родителей ¹, да и стриженіе волосъ, и одежду, и обувь, и весь нарядъ тѣла, и прочее тому подобное. Или не думаешь? — Согласенъ. — А опредѣлять это закономъ было бы, думаю, простовато; потому что такихъ опредѣленій, кажется, не бываетъ, да имъ и не удержаться, хотя бы узаконены были словесно и письменно. — Какъ ужъ удержаться? — Итакъ должно быть, Ади-мантъ, продолжалъ я, что какими правилами кто началъ

С. свое воспитаніе, такія изъ нихъ проистекутъ и слѣдствія ². Или ты не думаешь, что подобное вызывается подобнымъ? — Какъ не думать? — Въ заключеніе же можно, полагаю, сказать, что это придетъ къ чему-нибудь одному совершен-

¹ У древнихъ, говорить *Астѣ*, а особенно у Лакедемонянъ, младшіе выражали свое уваженіе къ старшимъ тремя способами: храненіемъ молчанія въ присутствіи ихъ, постороненіемъ предъ ними при встрѣчѣ на пути (*τῷ ὁδοῦ παραχωρήσαι*, в. *ὑποχωρήσαι*) и вставаніемъ предъ ними при собесѣдованіи (*τῷ καθήμενον ὑπαναστήναι*). См. *Xenoph. Mem.* II, 3, 16. *Hier.* VII, 2, 9. *De Republ. Lac.* IX, 5. *XV*, 6. *Sympos.* IV, 31. *Herod.* II, 80. Такъ какъ два вида уваженія — *ἡ συγῆ* и *ὑπανάστασις* здѣсь выражены ясно, то и третій — *τὸ ὑποχωρήσαι* даетъ уже опредѣленное значеніе слову *κατάκλισις*; то-есть, оно означаетъ здѣсь не восклоненіе, а постороненіе. *Aristotel. Ethic. Nicom.* IX, с. 2, 395, ed. Cell. *παντὶ δὲ τῷ πρεσβυτέρῳ τιμὴν καθ' ἡλικίαν ἀποδοτέον ὑπαναστάσει καὶ κατακλίσει*. Толкователи не вѣрно объясняютъ это мѣсто.

² Платонъ развиваетъ здѣсь ту мысль, что всѣ внѣшнія мелочи — въ одеждѣ, въ обуви, въ стриженіи волосъ и во всемъ подобномъ, законами опредѣлены быть не могутъ, хотя онѣ всегда служатъ вѣрными признаками внутренняго настроенія чловѣка. Поэтому, если юноши будутъ воспитаны въ тѣхъ началахъ добродѣтели, о которыхъ говорено было выше, то внѣшнія формы ихъ жизни будутъ выравниваться сами собою; а въ противномъ случаѣ, онѣ оразнообразятся и исказятся до безконечности.

ному ¹ и рѣшительному,—будетъ ли то добро, или противное добру.—Какъ не придти? сказалъ онъ.—Но, ради боговъ, продолжалъ я,—что сказать о дѣлахъ народной площади, гдѣ всѣ связуются между собою условіями? Что ска- D. зать, если хочешь, касательно ремесленническихъ сдѣлокъ, ссоръ, обидъ, распутыванія судебныхъ дѣлъ, постановленія судей, равнымъ образомъ касательно того, нужно ли по дѣламъ народной площади, или порта, взысканіе либо назначеніе какихъ-нибудь пошлинъ, вообще касательно порядка площаднаго, городского, портоваго и другаго тому подобнаго? Осмѣлимся ли мы въ этомъ отношеніи постановлять какіе-нибудь законы?—Но мужамъ прекраснымъ и добрымъ не годится приказывать, сказалъ онъ; вѣдь бѣольшую часть того, что надобно опредѣлить закономъ, они, конечно, и сами легко откроютъ.—Да, другъ мой, примол- E. вилъ я, — если только Богъ далъ имъ храненіе тѣхъ законовъ, о которыхъ мы прежде разсуждали. — А когда не далъ-то, — они, сказалъ Адимантъ, проведутъ всю жизнь, постановляя много такихъ и безпрестанно исправляя ихъ— въ той мысли, что добьются до наилучшаго. — Ты говоришь, замѣтилъ я, что они будутъ жить будто больные и, по невоздержанію, нехотяціе оставить дурной своей жизни. — И конечно. — Такъ эти-то будутъ жить забавляясь ², ибо 426. лечась, они не подвинутся впередъ, кромѣ того только, что станутъ оразноображивать и увеличивать виды болѣзни, всегда надѣясь, авось кто-нибудь присовѣтуетъ имъ такое лекарство, отъ котораго выздоровѣютъ. — Да, припадки подобныхъ больныхъ дѣйствительно таковы, сказалъ онъ. —

¹ *Къ чему-нибудь одному совершенному, εἰς ἓν τι τέλειον.* Это слово принимаетъ здѣсь какъ въ хорошую, такъ и въ худую сторону, то-есть разумѣется въ смыслѣ полноты какъ добра, такъ и зла, смотря по тому, изъ какихъ началъ кто выдетъ и будетъ развиваться.

² *Живутъ забавляясь, χαρίεντως διατελοῦσιν:* это не однозначительно съ выраженіемъ: *παίζοντες διατελοῦσιν.* Schol. *χαρίεντως· εὐτραπέλως, σκωπτικῶς.* По-русски можно бы выразить ближе: живутъ посмѣиваясь, живутъ себѣ на умѣ, водятся соображеніями эгоистическими.

Ну, а это у нихъ не забава, продолжалъ я, — почитать ненавистнѣйшимъ изъ всѣхъ того, кто говоритъ имъ правду, что пока не переставутъ они пьянствовать, пресыщаться, любодѣйствовать и бездѣйствовать, — не принесутъ имъ пользы, ни лекарства, ни прижиганія, ни присѣчки, ни даже В приговоры и привѣски ¹, и ничто прочее тому подобное? — Плохая забава, сказалъ онъ; потому что негодованіе на человѣка, говорящаго хорошо, не заключаетъ въ себѣ ничего забавнаго. — Не хвалитель ты, какъ видно, такихъ людей, замѣтилъ я. — Совсѣмъ нѣтъ, клянусь Зевсомъ. — Слѣдовательно, ты не похвалишь и города, если весь онъ, какъ мы сейчасъ говорили, будетъ дѣлать то же самое. Развѣ не одно и то же съ этими, кажется тебѣ, дѣлаютъ города, когда, будучи худо управляемы, объявляютъ гражданамъ — не трогать всецѣлаго общественнаго быта; иначе, поступая напротивъ, должны будутъ умереть? А кто управляемому такимъ образомъ городу пріятно угождаетъ и ласкательствуетъ ², подслуживаясь ему, предупреждая его желанія и имѣя способность исполнять ихъ; тотъ будетъ мужемъ добрымъ и мудрымъ для дѣлъ великихъ и удостоится отъ него почестей. — Да, мнѣ кажется, они точно то же дѣлаютъ, и я никакъ не похваляю ихъ. — Что же еще? не D. удивляешься ли ты мужеству и готовности тѣхъ людей, кото-

¹ *Приписки*, *περίπτα*, — талисманы, или симпатическія средства, которыя было въ обычаѣ носить на шеѣ, въ видѣ амулетовъ; и носили ихъ особенно женщины — для разныхъ цѣлей, большею же частію для сохраненія себя отъ какой-нибудь болѣзни. *Plut. vit. Pericl.* с. 15: *ὅτι νοσῶν Περικλῆς ἐπισκοπούμενῳ τινὶ τῶν φίλων δαίξειε περίπτον ὑπὸ γυναικῶν τῷ τραχῆλι περιρρηγμένον.* То же *De audiend. Poet.* 1, 2. *Theophr. Histor. plant.* IX, с. 21. *Dioscor.* III, 14.

² Философъ, вѣроятно, разумѣетъ аѳинскую республику. *Isocrat. de pac.* § 2: *εἰώτατε πάντως τοὺς ἄλλους ἐκβάλλειν, πλὴν τοὺς συναγορευόντας ταῖς ὑμετέραις ἐπιθυμίαις.* *Ibid.* § 3: *οὐκ εἰλέτε ἀκούειν, πλὴν τῶν πρὸς ἠδονὴν δημηγορευόντων, κ. τ. λ.* Платонъ вообще не любилъ народной формы правленія; потому что она представляетъ широкое поприще лстецамъ, которые, пользуясь невѣжествомъ народа, наклоняютъ его къ личнымъ своимъ выгодамъ и не только благо общее приносятъ въ жертву собственному эгоизму, но еще доходятъ до убѣжденія, что они въ самомъ дѣлѣ отличные политики, если умѣли обмануть толпу, хотя бы это было сопряжено съ очевидною гибелью общества.

рые расположены угождать такимъ городамъ и усердствовать имъ?—Да, отвѣчалъ онъ, исключая только тѣхъ, которые бывають обмануты ими и думаютъ, что они въ самомъ дѣлѣ политики, если слышатъ одобреніе со стороны черни.—Что ты говоришь? не соглашаться съ этими мужами? сказалъ я. Развѣ можно, думаешь, человѣку, неумѣющему мѣрять, когда многіе, тоже неумѣющіе, говорятъ ему, что онъ—четырехъ локтей, — развѣ можно не почитать себя четырехлоктевымъ?—Это-то невозможно, отвѣчалъ онъ. Е. — Такъ не досадуй. Вѣдь эти, какъ я недавно говорилъ, законодатели и всегдашніе исправители законовъ, можетъ быть, забавнѣе всѣхъ съ своимъ ожиданіемъ, что они найдутъ какой-нибудь конецъ золъ, проистекающихъ изъ сношенія людей; хотя, какъ сейчасъ сказано, сами не знаютъ, что на дѣлѣ точно будто разсѣкають гидру¹. — Да такъ и есть; они и не иное-таки что дѣлають, сказалъ Адимантъ. — А по моему-то мнѣнію, продолжалъ я, истинный законо- 427. датель не долженъ трудиться надъ такимъ родомъ законовъ и управленія, — будетъ ли городъ устроиться хорошо или худо; потому что въ первомъ случаѣ такіе законы бесполезны и ни къ чему не служатъ, а въ послѣднемъ они частію могутъ быть найдены каждымъ самимъ по себѣ, частію вытекають изъ прежнихъ постановленій. —

Такъ что же, наконецъ, остается намъ опредѣлить закономъ? спросилъ онъ. — Намъ-то нечего, отвѣчалъ я; но В. Аполлону дельфійскому—такъ; надобно постановить вели-

¹ Въ народномъ правленіи всякій демагогъ, сообразуясь съ личными своими видами, старался склонить народъ къ постановленію извѣстнаго закона. Но такъ какъ этотъ законъ покровительствовалъ только частной пользѣ; то скоро оказывалось вредное его дѣйствіе на выгоды общія. Тогда всходилъ на трибуну другой такой же демагогъ и, скрывая не менѣе эгоистическую цѣль, требовалъ у народа другаго закона. Такимъ образомъ кодексъ законовъ увеличивался; а обществу пользы отъ нихъ все-таки не было. Всякій старался отрубить голову гидрѣ; но вмѣсто одной, отрубленной, у ней выростало ихъ десять. Пословицу о гидрѣ дернейской объясняетъ Scholiast. ad h. l. *Erasm. Adagg. Chil. 1, cent. X, 9.*

чайшія , прекраснѣйшія и первыя изъ законоположеній ¹. — Какія это? спросилъ онъ. — Относящіяся къ сооруженію храмовъ , къ жертвамъ и иному чествованію боговъ , геніевъ и героевъ , также къ гробницамъ умершихъ и ко всему , что должно совершать , чтобы боги были нашими заступниками; ибо такихъ-то вещей сами мы не знаемъ , (а если , с. устроая городъ , имѣемъ умъ , то не повѣримъ и другому) , да не обратимся и ни къ какому иному истолкователю , кромѣ отечественнаго бога ²: этотъ-то отечественный богъ , истолковывающій подобное всѣмъ людямъ , сидитъ среди земли , на пупѣ ея ³ , и объясняетъ (все вышеупомянутое). — Ты хорошо говоришь , примолвилъ онъ ; такъ и надобно сдѣлать. —

Д. Итакъ , пусть городъ будетъ уже устроенъ у тебя , сынъ Аристовъ , продолжалъ я . Послѣ сего , доставъ откуда-нибудь свѣту , посмотри при немъ вотъ на это-то — и самъ , да позови и брата , и Полемарха , и другихъ , — не увидимъ ли мы какъ-нибудь , гдѣ бы могла тутъ быть справедливость и гдѣ несправедливость ; чѣмъ онѣ отличаются одна отъ другой и которую изъ нихъ надобно приобрѣтать челоувѣку , желающему быть счастливымъ , — утаевается ли она отъ всѣхъ боговъ и

¹ Такъ какъ всѣ внѣшнія дѣйствія опредѣлить закономъ Платонъ не находитъ никакой возможности , если жизнь гражданина въ явленіи будетъ разсматриваема внѣ связи ея съ внутренними , нравственными расположеніями души ; то , для опредѣленія ихъ , ему оставалось обратиться къ авторитету божественному , къ законодательству Аполлона , которое формы внѣшняго поведенія приводило бы въ гармонію съ природою духа и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщало бы имъ характеръ религіозный . Сравн. Legg. VI , р. 759 С . Отсюда въ Государствѣ Платона начало религіи обрядовой .

² Аполлонъ чтимъ былъ Аѳинянами подъ именемъ бога отечественнаго — τοῦ πατρίου , какъ родоначальникъ ихъ племени ; потому что Іонъ , по имени котораго Аѳиняне назывались Іонянами , почитаемъ былъ сыномъ Аполлона отъ Креузы . О причинѣ прозванія Аполлона богомъ отечественнымъ Платонъ говоритъ въ Эттидемѣ р. 305 D ; также Schol. Aristoph. ad Nubb. v. 1470 . Conf. Steuzer ad Cicer. de Nat. Deor. pp. 595 . 599 . 614 .

³ Среди земли . У Грековъ была мысль , что Дельфы стоятъ на срединѣ земли , и оттого получили названіе τοῦ ἰσχυροῦ τῆς γῆς . Асть замѣчаетъ , что ἰσχυρὸν собственно было каменное сѣдалище въ дельфійскомъ храмѣ . См. Aeschyl. Eumen. V , 40 . Pausan. X , 16 .

людей, или нѣтъ.—Это пустяки, сказалъ Главконъ. Вѣдь ты Е. обѣщался самъ изслѣдовать: неблагочестиво-де было бы, говорилъ, не помочь справедливости всячески, сколько есть силъ ¹.—Вѣрно припоминаешь, сказалъ я: такъ-то, конечно, и надобно сдѣлать; однако должны помогать и вы.—Да, мы будемъ, примолвилъ онъ.—Такъ надѣюсь найти это слѣдующимъ образомъ, продолжалъ я. Думаю, что городъ у насъ, если только онъ правильно устроенъ, есть городъ совершенно добрый.—Необходимо, сказалъ онъ.—Явно, стало-быть, что онъ и мудръ, и мужественъ, и разсудителенъ, и справедливъ.—Явно. — Такъ не остальное ли изъ того, что нашли мы въ немъ, было бы еще ненайденнымъ?—Что же болѣе? ⁴²⁸. — Возьмемъ, на примѣръ, что-нибудь иное четверичное: если въ которой-либо четверицѣ вещей мы искали одну, то, узнавши ее напередъ, остаемся довольными; а когда сперва узнали три, то чрезъ это самое становится у насъ дознанною и искомая; ибо явно, что она есть уже не иное что, какъ оставшаяся ².—Правду говоришь, сказалъ онъ. — Не такимъ же ли образомъ надобно изслѣдовать и это,—поколикъ оно тоже четверично?—Очевидно. —

И во первыхъ-таки,—въ немъ мнѣ кажется явною мудрость; только въ отношеніи къ ней представляется что-то странное.—Что такое? спросилъ онъ. — Мудръ въ самомъ дѣлѣ, кажется, городъ, о которомъ мы разсуждали; потому что онъ благосовѣтливъ. Не такъ ли?—Да.—Но это-то са-

¹ Главконъ ссылается на слова Сократа Libr. II, p. 368 C: *δέδοικα γάρ μὴ οὐδ' ἄριστον ἢ παραγευόμενον δικαιοσύνην χακοῦρροῦμένην ἀπαγορεύειν καὶ μὴ βοηθεῖν ἐτι ἐμπνεόντα καὶ δυνάμενον φθέρουσαι.*

² Сократъ говоритъ такъ: если изъ четырехъ вещей намъ пришлось напередъ найти ту, которая намъ нужна, то мы успокоиваемся и прочія три оставляемъ. А когда, между четырьмя ища одной, мы нашли сперва три, которыхъ не искали, то остальная, конечно, будетъ та, которой ищемъ, и свойства ея, если по своимъ качествамъ извѣстно было намъ цѣлое, чрезъ выдѣленіе свойствъ, принадлежащихъ прочимъ тремъ вещамъ, легко опредѣляется. Говори такимъ образомъ, Сократъ намѣренъ, прежде чѣмъ коснется справедливости, рѣшить вопросъ о мудрости, мужествѣ и разсудительности, чтобы потомъ открылось само собою, что такое справедливость.

- мое—благосовѣтливость, очевидно, есть нѣкоторое знаніе; потому что не невѣжествомъ же, вѣроятно, а знаніемъ хорошо совѣтуютъ.—Явно.—Между тѣмъ о городѣ знанія-то вѣдь многочисленны и разнообразны.—Какже.—Такъ не ради ли знанія домостроителей надобно городъ называть
- C. мудрымъ и благосовѣтливымъ?—Отнюдь нѣтъ, сказалъ Главконъ; ради этого-то онъ—домостроителемъ.—Значить, городъ надобно называть мудрымъ и не ради знанія щепного, совѣтующаго дѣлать, сколько можно лучше, деревянные сосуды.—Конечно нѣтъ.—Что же? мѣдные или какіе-нибудь другіе?—И не ради такого чего-либо, сказалъ онъ.—Такъ и не ради знанія произращать изъ земли плодъ; потому что за это называютъ его земледѣльческимъ.—Мнѣ кажется.—Что же? спросилъ я: въ устроенномъ нами теперь городѣ есть ли у нѣкоторыхъ гражданъ такое знаніе, которое совѣтовало бы не о чемъ-либо въ нѣдрѣ города, а о немъ цѣломъ, то-есть какъ бы наилучшимъ образомъ могъ онъ сноситься и самъ съ собою, и съ другими городами?—Конечно есть.—Что же это, спросилъ я, и въ комъ?—Это знаніе охранительное, отвѣчалъ онъ, — въ тѣхъ властителяхъ, которыхъ теперь мы называемъ совершенными стражами.—Такъ, по этому знанію, какимъ объявляешь ты городъ? — Благосовѣтливымъ и дѣйствительно мудрымъ, сказалъ онъ.—Однакожъ въ городѣ у насъ, спросилъ я,
- E. болѣе ли, думаешь, кузнецовъ, или этихъ истинныхъ стражей?—Гораздо болѣе кузнецовъ, отвѣчалъ онъ.—Значить, сравнительно съ прочими, которые почитаются имѣющими какое-нибудь знаніе,—сравнительно со всѣми ими, послѣдніе должны быть весьма малочисленны.—Много малочисленнѣе.—Слѣдовательно цѣлый, согласно съ природою устроенный городъ можетъ быть мудрымъ по малочисленнѣйшему сословію, по части самого себя, по начальственному и правительственному въ немъ занятію. Это, вѣроятно, есть
429. согласный съ природою малѣйшій родъ, имѣющій право обладать тѣмъ знаніемъ, которое одно надобно называть

мудростію прочихъ знаній ¹. — Ты говоришь весьма справедливо, сказалъ онъ. — Такъ вотъ оно—одно изъ четырехъ: не знаю, какимъ-то образомъ мы нашли и то, каково оно само, и то, гдѣ въ городѣ оно укореняется.—Да, мнѣ кажется, рѣшительно нашли. —

Вѣдь и мужество-то—и по немъ самомъ, и по мѣсту нахождения его въ городѣ, отчего городъ долженъ быть называемъ такимъ,—усмотрѣть не очень трудно.—Какъ же это? — Кто могъ бы, сказалъ я, назвать городъ трусливымъ или В. мужественнымъ, смотря на что-нибудь иное, а не на ту часть, которая воюетъ за него и сражается? — Никто не сталъ бы смотрѣть на что-нибудь иное, отвѣчалъ онъ. — Потому что другіе-то въ немъ, примолвилъ я, будучи или трусливыми, или мужественными, не сдѣлали бы его такимъ или такимъ.—Конечно нѣтъ.—Слѣдовательно и мужественнымъ бываетъ городъ по нѣкоторой части себя, поколику въ ней имѣется сила, во всѣхъ случаяхъ сохраняющая С. мнѣніе объ опасностяхъ, эти ли онъ и такія ли, которыми и какими законодатель объявилъ ихъ въ воспитаніи. Или не то называешь ты мужествомъ? — Не очень понялъ я, что ты сказалъ: скажи опять, отвѣчалъ онъ. — Мужество, говорю, есть нѣкоторое храненіе, продолжалъ я.—Какое храненіе?—Храненіе мнѣнія о законѣ относительно опасностей, полученномъ съ воспитаніемъ, что такое эти опасности и какія. Вообще, я назвалъ мужество храненіемъ — потому, что человѣкъ и въ скорбяхъ, и въ удовольствіяхъ, и въ желаніяхъ, и среди страховъ удерживаетъ то мнѣніе и никогда не оставляетъ его. Если хочешь, я, пожалуй, уподоблю его, D. чему, мнѣ кажется, оно подобно ². — Да, хочу.—Не зна-

¹ Мудрость государства, по ученію Платона, есть правительство. Не многочисленность отличныхъ художниковъ и земледѣльцевъ, не специальности въ обширной области знаній надобно называть мудростію, а ту все соединяющую и всѣмъ управляющую силу, которая вноситъ свой распорядокъ и правильность во всѣ занятія общества.

² Это подобіе такъ характеристически выражаетъ предметъ — чувство законности, показывающей, что страшно и нестрашно, что многіе позднѣйшіе писа-

ешь ли, продолжалъ я, что красильщики, намѣреваясь окрасить шерсть такъ, чтобы она была пурпуровая, сперва изъ множества цвѣтовъ выбираютъ одинъ родъ — цвѣта бѣлаго, потомъ употребляютъ немало предварительныхъ трудовъ на приготовленіе шерсти, чтобы она приняла наиболѣе цвѣта этого рода, и такъ-то приготовленную уже красятъ.

Е. И все, что красится этимъ способомъ, бывъ окрашено, пропитывается такъ, что мытье ни съ вычищательными средствами, ни безъ вычищательныхъ¹ не можетъ вывести краски. А иначе,—знаешь, что бываетъ, этимъ ли кто цвѣтомъ, или другимъ окрашиваетъ вещь, не приготовивши ея? — Знаю, сказалъ онъ: она вымывается и становится смѣшанною. — Такъ замѣть, примолвилъ я, что это же, по возможности, дѣлаемъ и мы, когда избираемъ воиновъ и

430. учимъ ихъ музыкѣ и гимнастикѣ. Не думай, будто мы за-тѣваемъ что другое, а не то, какъ бы наилучше, по убѣж-

тели брали его у Платона и развивали въ своихъ сочиненіяхъ. *Gataker ad Antonin.* III, 4, p. 70. *Ruhnk.* ad Tim. Gloss. p. 75 sq. *Wytttenbach.* ad Plut. de S. N. V, p. III. *Ruhnk.* l. c. приводитъ слова Цицерона apud Nonium p. 386. 521: *Ut qui combibi purpuram volunt sufficient prius lanam medicamentis quibusdam, sic literis talibusque doctrinis ante excoli animos et ad sapientiam concipiendam imbui et præparari decet.* Но Цицеронъ принаровляетъ это подобіе къ общимъ приготовительнымъ курсамъ воспитанія теоретическаго, чтобы юноша потомъ способенъ былъ принять и хранить уроки мудрости: напротивъ, у Платона оно направляется больше къ выраженію воспитанія нравственнаго. Надобно, чтобы душа юноши прежде всего пропитана была чувствомъ законности дѣйствій, или чувствомъ уваженія къ закону: это — то же, что у живописцевъ, или вообще у художниковъ, грунтъ, ручающийся за прочность той краски, какая будетъ на немъ положена. Въ какой душѣ этого грунта не имѣется, или онъ составленъ фальшиво — изъ ложныхъ и негармонирующихъ съ душою началъ, на ту какая бы блестящая краска образованности наводима ни была,—тотчасъ или выгоритъ она отъ зноя, или смоеся отъ дождя. Между тѣмъ сколько примѣровъ, что юноши нетолько въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ цѣлыхъ корпораціяхъ размалеваются яркими красками наукъ безъ надлежащаго грунта!

¹ Вычищательныя средства, *ρύμματα*, по Схолиасту, *τρίμματα*, *σπίγματα*, — вытиранья, стиранья. *Cornarius Eclogg.* p. 98, ed. Fischer: «sunt autem *ρύμματα*, quæ extersoriam et repugnantem vim habent, velut est nitrum (селитра), quod hic *χαλασ-τρᾶτον* a loco vocat, et lixivium (щелокъ), quod *κοιλᾶν* hic appellat, quanquam etiam calcem (известь) hæc vox significat. Est autem lixivium e calce paratum primum et maxime vi illa præditum.»

денію, приняли они законы — основную краску, и получая природу и пищу благопотребную, пропитывались мнѣніемъ о предметахъ страшныхъ и всѣхъ другихъ; такъ чтобы краска ихъ не смывалась тѣми очистительными средствами, напримеръ, удовольствіемъ, скорбію, страхомъ и пожеланіемъ, которыя въ состояніи все изглаживать и сдѣлать это сильнѣ всякаго халастра ¹, пятновыводящаго порошка и другаго вычищающаго вещества. Такую-то силу и всегдашнее храненіе правильнаго и законнаго мнѣнія о вещахъ страшныхъ и нестрашныхъ я называю мужествомъ и въ этомъ поставляю мужество, если ты не считаешь его чѣмъ-нибудь другимъ. — Не почитаю ничѣмъ другимъ, сказалъ онъ; потому что правильное мнѣніе о томъ же самомъ, родившееся безъ образованія, — мнѣніе звѣрское и рабское ты считаешь не очень законнымъ, и называешь его чѣмъ-то другимъ, а не мужествомъ. — Весьма справедливо говоришь, сказалъ я. С. — Такъ принимаю это за мужество. — Да и принимай, — по крайней мѣрѣ за мужество политическое, примолвилъ я, — и примешь правильно. Въ другой разъ, если угодно, мы еще лучше рассмотримъ его: теперь же у насъ изслѣдывается не это, а справедливость; такъ для изслѣдованія ея, о мужествѣ, какъ я полагаю, сказано довольно. — Ты хорошо говоришь, примолвилъ онъ. —

Теперь, продолжалъ я, остаются еще два предмета, на D. которые надобно взглянуть въ городъ, — разсудительность и то, для чего изслѣдывается все это, — справедливость. — Да, конечно. — Какъ же бы найти намъ справедливость, чтобы уже не заниматься разсудительностію? — Я-то не знаю, отвѣчалъ онъ; да и не хотѣлъ бы, чтобъ она открылась прежде, чѣмъ рассмотримъ мы разсудительность. Такъ если хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, — разсмотри эту прежде

¹ Халастръ — селитра, по Схолиасту, получилъ свое имя отъ македонскаго города Халастры, ἐνθα τὸ χαλαστραῖον νίτρον γινόμενον διὰ ἐνεατηρίδος πύρρυνται ὁμοίως δὲ λέεται. *Plin. Histor. Nat. XXXI, 19. 5. 46, ed. Hard. Optimum (nitrum) copiosumque in litis Macedoniæ, quod vocant Chalastricum, candidum purumque, proximum sali.*

той. — Хотѣть-то, безъ сомнѣнія, хочу, сказалъ я, лишь бы не
 Е. сдѣлать несправедливости. — Разсмотри же, сказалъ онъ. —
 Надобно разсмотрѣть, примолвилъ я; и если на разсуди-
 тельность смотрѣть съ этой-то точки зрѣнія, — она, больше
 чѣмъ первая, походить на симфонію и гармонію. — Какъ? —
 Это — какой-то космосъ, продолжалъ я: разсудительность,
 говорятъ, есть воздержаніе отъ удовольствій и пожеланій,
 и прибавляютъ, что она какимъ-то образомъ кажется вы-
 ше самой себя, и что все другое въ этомъ родѣ есть какбы
 слѣдъ ея. Не такъ ли? — Всего болѣе, отвѣчалъ онъ. —
 Между тѣмъ, выраженіе: *выше себя*, не смѣшно ли? Вѣдь кто
 выше себя, тотъ, вѣроятно, и ниже себя, а кто — ниже, тотъ
 431. — выше; такъ какъ во всѣхъ этихъ выраженіяхъ разумѣется
 одинъ и тотъ же. — Какъ не одинъ и тотъ же? — Но этимъ
 словомъ, повидимому, высказывается, что въ самомъ че-
 ловѣкѣ, относительно къ душѣ его, есть одно лучшее, а
 другое — худшее, и что если по природѣ лучшее воздержи-
 вается отъ худшаго, — это называется быть выше себя —
 значеніе похвалы; а когда лучшее овладѣвается худою пи-
 щю либо бесѣдою и, сравнительно со множествомъ худ-
 В. шаго, становится маловажнѣе, — это значитъ какбы съ не-
 годованіемъ порицать такого человѣка и называть его низ-
 шимъ себя и невоздержнымъ. — Да и слѣдуетъ. — Посмо-
 три же теперь, продолжалъ я, на юный нашъ городъ, — и
 ты найдешь въ немъ одно изъ этого. Онъ, справедливо ска-
 жешь, почитается выше себя, если только мудрымъ и выс-
 шимъ надобно называть то, въ чемъ лучшее начальствуетъ
 надъ худшимъ. — Да, смотрю, сказалъ онъ: ты правду го-
 ворить. — Притомъ, многочисленныя-то и разнообразныя
 С. пожеланія, удовольствія и скорби можно встрѣчать боль-
 шею частію во всѣхъ, — и въ женщинахъ, и въ слугахъ,
 и во многихъ негодныхъ людяхъ, называемыхъ свободны-
 ми. — Ужъ конечно. — А простыя-то и умѣренныя, управ-
 ляемые именно союзомъ ума и вѣрнаго мнѣнія, встрѣ-
 тишь ты въ немногихъ, наилучшихъ по природѣ и наилуч-

шихъ по образованію. — Правда, сказалъ онъ. — Такъ не видишь ли, — въ городѣ у тебя умѣстно и то, чтобы пожеланія многихъ и негодныхъ были тамъ подѣ властію пожеланій и благоразумія немногихъ и скромнѣйшихъ? — Вижу, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, если какой-нибудь городъ должно назвать городомъ выше удовольствій, пожеланій и его самого; то вмѣстѣ съ нимъ слѣдуетъ назвать и этотъ. — Безъ сомнѣнія, примолвилъ онъ. — А по всему этому, не назовемъ ли его и разсудительнымъ? — И очень, отвѣчалъ онъ. — Да и то еще: если въ какомъ-нибудь городѣ, и начальствующіе и подчиненные питаютъ одинаковое мнѣніе о томъ, кому должно начальствовать; то и въ этомъ умѣстно то же самое. Или тебѣ не кажется? — Напротивъ, даже очень, сказалъ онъ. — Такъ видишь ли? мы теперь послѣдовательно дознали, что разсудительность походитъ на нѣкоторую гармонію. — Что это за гармонія? — То, что разсудительность — не какъ мужество и мудрость: обѣ эти, находясь въ извѣстной части города, дѣлаютъ его — первая мужественнымъ, послѣдняя мудрымъ; а та дѣйствуетъ иначе: она устанавливается въ цѣломъ городѣ и отзывается во всѣхъ его струнахъ¹, то слабѣйшими, то сильнѣйшими, то средними, но согласно поющими одно и то же звуками, — хочешь умствованіемъ, хочешь силою, хочешь многочисленностію, деньгами, либо чѣмъ другимъ въ этомъ родѣ; такъ что весьма правильно сказали бы мы, что разсудительность есть это-то самое единомысліе, согласіе худшаго и лучшаго по природѣ въ томъ, кому должно начальствовать и въ обществѣ и въ каждомъ человѣкѣ. — Я совершенно того же мнѣнія, сказалъ онъ. —

Хорошо, продолжалъ я; въ городѣ у насъ три вида обозрѣны, — по крайней мѣрѣ такъ кажется. Что же будетъ остальной-то видъ, по которому городъ равно причастенъ доб-

¹ Отзывается во всѣхъ его струнахъ, *διὰ πάντων παραχομένην*, т. е. *χορδῶν*. Это выраженіе взято изъ терминологіи музыкантовъ и означаетъ гармоническое сліяніе всѣхъ главныхъ звуковъ, или аккордъ.

родители? Вѣдь явно, что это — справедливость. — Явно. — Такъ теперь, Главконъ, мы, подобно какимъ-нибудь охотникамъ вокругъ кустарника, должны стать вокругъ справедливости и быть внимательными, чтобы она какъ-нибудь не ушла и, скрывшись, не утаилась отъ насъ; ибо явно с. вѣдь, что ей надобно быть гдѣ-нибудь тутъ. Смотри же и старайся подмѣтить; можетъ быть, ты увидишь прежде меня, — тогда скажи и мнѣ. — Да, еслибы могъ, примолвилъ онъ: но ты гораздо правильнѣе употребишь меня, какъ человѣка, могущаго больше слѣдовать за тобою и имѣть въ виду то, что ему указываютъ. — Слѣдуй, помолившись ¹ со мною, сказалъ я. — Слѣдую, примолвилъ онъ; только веди. — Тѣмъ больше нужно это, замѣтилъ я, что мѣсто-то, повидимому, непроходимо и во мракѣ, поэтому темно и не вдругъ поддается изслѣдованію. Впрочемъ, надобно же идти. — Да, D. надобно, сказалъ онъ. — Тутъ я, какбы усмотрѣвъ нѣчто, вскричалъ: а, а! Главконъ! должно быть попадаемъ на слѣдъ, и кажется, этому нелегко уйти отъ насъ. — Хорошая вѣсть, сказалъ онъ. — Въ самомъ дѣлѣ, примолвилъ я, вѣдь мы страдаемъ слабостію. — Какою? — Это-то, любезнѣйшій, кажется, давно уже, съ самаго начала вертится у насъ подъ ногами, а мы все не видѣли и были смѣшными. Какъ тѣ, которые, держа что-нибудь въ рукахъ, иногда ищутъ того, E. что держать: такъ и мы на это-то не смотрѣли, а устремляли взоръ далѣе, и оттого-то, можетъ быть, это скрывалось отъ насъ. — Что ты разумѣешь? спросилъ онъ. — То, отвѣчалъ я, что мы, кажется, давно уже и говоримъ это, и слушаемъ, сами не замѣчая за собою, что говорили нѣкоторымъ образомъ это. — Для охотника слушать, такое предисловіе длинно, сказалъ онъ. — Такъ слушай, дѣло ли говорю, 433. продолжалъ я. Устроая городъ, мы вѣдь съ самаго начала положили, что надобно дѣйствовать относительно ко всему,

¹ Слѣдуй, помолившись со мною, ἔπου—εὐξάμενος μετ' ἐμοῦ. Это, кажется, была поговорка, подобная нашей: иди съ Богомъ, или, ступай съ Божіею помощію. Таково же употребленіе ея Phileb. p. 25 В. Tim. p. 27 В. С.

и что это, или видъ этого ¹, какъ мнѣ кажется, есть справедливость. Мы положили, то-есть, и, если помнишь, многократно говорили, что изъ дѣлъ въ городѣ каждый гражданинъ долженъ производить одно то, къ чему его природа наиболѣе способна.—Да, говорили.—А что производить своего и не хвататься за многое, есть именно справедливость, — это слышали мы и отъ другихъ, и часто высказывали сами.—Да, высказывали.—Такъ это-то, другъ мой, нѣкоторымъ В. образомъ бывающее, продолжалъ я,—это дѣланіе своего, въ-роютно, и есть справедливость. Знаешь ли, изъ чего заключаю? — Нѣтъ, скажи, отвѣчалъ онъ. — Мнѣ кажется, въ изслѣдуемыхъ нами добродѣтеляхъ города, то-есть, въ разсудительности, мужествѣ и мудрости, остальное есть то, что всѣмъ имъ доставляетъ силу внѣдряться въ человѣка ², и въ кого онѣ внѣдряются-то, тѣмъ служить къ спасенію, пока въ комъ это имѣется. Но остальное въ нихъ, когда эти три были С. найдены, мы назвали справедливостью. — Да и необходимо,

¹ Это, или видъ этого — справедливость. Сократъ даетъ поводъ думать, что онъ видѣлъ справедливость не только въ частномъ исполненіи своей обязанности, или въ дѣланіи своего дѣла, какъ это является на опытѣ, но еще больше въ законѣ (εἶδος), который долженъ обнаруживаться частными дѣйствіями, направленными у каждаго къ своему. Справедливость, понимаемая въ смыслѣ дѣланія своего дѣла, какъ видъ, становится добродѣтелью всѣхъ гражданъ и находится подъ управленіемъ государственной мудрости, въ предѣлахъ ея соображеній, какъ запряженные кони въ рукахъ возничаго. Гдѣ этой всеобщей видовой дѣятельности нѣтъ, или гдѣ дѣлаютъ свое только нѣкоторые частные граждане: тамъ дѣлающіе свое несутъ двойную или тройную тяжесть сравнительно съ другими, развлекающимися разнообразіемъ дѣлъ; тамъ дѣланіе своего становится затруднительнымъ, а иногда вовсе невозможнымъ. Сапожнику, старательно дѣлающему свое, трудно, даже вовсе нельзя готовить хорошіе сапоги въ томъ обществѣ, въ которомъ не заботятся о своемъ дѣлѣ кожевники.

² Сократъ раскрываетъ слѣдующую мысль: справедливость есть такая добродѣтель, которая мудрости, мужеству и разсудительности доставляетъ какбы свойственную каждой силу; потому что она одна дѣлаетъ то, что эти добродѣтели могутъ развиваться и преуспѣвать. Мудрость есть добродѣтель правительства: но правительству необходимо быть справедливымъ, то-есть дѣлать свое, чтобы въ управленіи обнаруживалась мудрость. Мужество есть добродѣтель стражей: но стражамъ необходимо быть справедливыми, то-есть дѣлать свое, чтобы они являлись мужественными. Разсудительность есть гармонія общества, или единомысліе гражданъ относительно лучшаго и худшаго, высшаго и низшаго, управляющаго и управляемаго: но это единомысліе не иначе возможно, какъ подѣ

сказалъ онъ.—Еслибы, впрочемъ, надлежало-таки рѣшить, продолжалъ я, что изъ этого сдѣлаетъ нашъ городъ особенно добрымъ, поколику въ немъ имѣется; то было бы неразрѣшимымъ, согласіе ли начальствующихъ и подчиненныхъ, врожденное ли воинамъ храненіе законнаго мнѣнія о вещахъ ныхъ и нестрашныхъ, что такое онѣ, свойственная ли пра-

D. страшителямъ мудрость и бдительность, или наконецъ это, —когда каждый, какъ одинъ, дѣлаетъ одно и не хватается за многое, доставляетъ городу больше доброты, поколику имѣется и въ дитяти, и въ женщинѣ, и въ рабѣ, и въ свободномъ, и въ художникѣ, и въ начальникѣ, и въ подчиненномъ.— Было бы неразрѣшимымъ, сказалъ онъ; какъ не быть?—Слѣдовательно сила каждаго дѣлать свое борется, какъ видно, за добродѣтель города съ его мудростію, разсудительностію и мужествомъ.— Конечно, сказалъ онъ.—Такъ не положить ли,

E. что справедливость есть борьба съ ними за добродѣтель? — Совершенно полагаю.—Смотри же и сюда; такъ ли покажется? Не правителямъ ли города предоставишь ты дѣла судебныя? — Какже. — Но къ иному ли чему будетъ направляться ихъ судъ, или къ тому, чтобы каждый и не захватывалъ чужаго, и не лишался своего? — Не къ иному чему, а къ этому. — Такъ какъ это справедливо? — Да. — Слѣдовательно справедливость и поѣтому, вѣроятно, можемъ мы почитать

434. удерживаніемъ собственнаго и дѣланіемъ своего.— Правда.— Взгляни-ка теперь, покажется ли и тебѣ, какъ мнѣ. Плотникъ, рѣшаясь производить работы башмачника, или башмачникъ — работы плотника, и взаимно обмѣниваясь орудіями и значеніемъ, либо одинъ кто-нибудь, намѣреваясь исполнять дѣла обоихъ и перемѣняя все прочее, очень ли, дума-

условіемъ справедливости, или дѣланія своего дѣла; потому что иначе низшее, не дѣлая своего, какъ низшее, или подчиненное, не дѣлая своего, какъ подчиненное, перестаетъ быть разсудительнымъ. Итакъ, справедливость общества состоитъ въ томъ, чтобы и рабочіе, и военные, и управляющіе знали свое и исполняли каждый собственную обязанность, а въ чужія дѣла не мѣшались. Поэтому неудивительно, что справедливость иногда понимается Платономъ какъ вся добродѣтель. См. I, р. 350 С. D. 351. А. 354. А. VIII, 554 Е.

ешь, повредить городу? — Не очень, сказалъ онъ. — Но кто, полагаю, по природѣ художникъ, или какой другой промышленникъ, возгордившись либо богатствомъ, либо множествомъ, либо силою, либо чѣмъ инымъ въ этомъ родѣ, рѣшился бы войти въ кругъ дѣлъ воинскихъ, или военный — въ кругъ дѣлъ совѣтника и блюстителя, тогда какъ онъ того не стоитъ, и оба эти взаимно обмѣнялись бы орудіями и значеніями, либо даже одинъ захотѣлъ бы дѣлать все вмѣстѣ; тотъ, какъ и ты, думаю, согласишься, этимъ обмѣномъ и многодѣльемъ погубилъ бы городъ. — Совершенно. — Слѣдовательно, при трехъ видахъ добродѣтели, многодѣлье и взаимный обмѣнъ занятій с. причиняють городу величайшій вредъ и весьма правильно могутъ быть названы злодѣяніемъ. — Конечно такъ. — А злодѣяніе не назовешь ли ты величайшею несправедливостію противъ своего города? — Какъ не назвать? — Это-то, стало-быть, — несправедливость. Скажемъ опять и такъ: своедѣлье видовъ — промышленнаго, вспомогательнаго и блюстительнаго, поколику всякій изъ нихъ въ городѣ дѣлаетъ свое, будетъ противно той несправедливости, — будетъ справедливость и сдѣлаетъ городъ справедливымъ. — Миѣ кажется, не инымъ, примолвилъ онъ, но именно такимъ. — Твердо мы, можетъ быть, ничего не скажемъ объ этомъ, замѣтилъ я. Но если д. искомый видъ подойдетъ у насъ къ отдѣльному человѣку и въ немъ также будетъ справедливостію, то уже согласимся, — да что тогда и говорить? — а когда не подойдетъ — станемъ разсматривать что-нибудь другое. Итакъ, теперь окончимъ свое изслѣдованіе обычнымъ способомъ, а именно: если прежде мы брались созерцать справедливость въ чемъ-то великомъ, гдѣ она имѣется; то гораздо легче можемъ примѣтить ее въ одномъ человѣкѣ. Намъ показалось, что это есть е. городъ; такъ вотъ мы и устроили его, какъ могли наилучше, зная хорошо, что справедливость можетъ находиться именно въ наилучшемъ. Теперь же, что открыли мы тамъ, перенесемъ на одного; и если уладится, — будетъ хорошо, а когда въ одномъ обнаружится что-нибудь иное, — опять воротимся и станемъ

435. испытывать городъ. Авось-либо, чрезъ взаимное изслѣдованіе и треніе ихъ, мы извлечемъ справедливость, какъ огонь изъ поленевъ дерева, и выведши ее наружу, утвердимъ у насъ самихъ. — Ты говоришь о порядкѣ, сказалъ онъ; такъ и надобно дѣлать. —

Пусть что-либо, на примѣръ большее и меньшее, означается словомъ *то же*: подобны ли они, поколику называются тѣмъ же, или не подобны? спросилъ я. — Подобны, отвѣчалъ В. онъ. — Слѣдовательно, справедливый человѣкъ, по самому роду справедливости, не будетъ отличаться отъ справедливаго города, а будетъ подобенъ ему. — Подобенъ, сказалъ онъ. — Но городъ-то вѣдь казался намъ справедливымъ, когда находящіеся въ немъ три рода природъ дѣлали каждый свое; а будучи разсудительнымъ, мужественнымъ и мудрымъ, чрезъ самые эти роды, получалъ онъ другія качества и состоянія. — Правда, примолвилъ онъ. — Стало-быть, и одного человѣка, другъ мой, мы будемъ представлять себѣ такъ, что онъ въ своей душѣ имѣетъ эти же самые роды, если городу справедливо приписываются одинаковыя съ ними и означаемыя тѣми же именами свойства. — Крайне необходимо, сказалъ онъ. — Ну такъ не на маловажное изслѣдованіе души попали мы, почтеннѣйшій, замѣтилъ я, какъ скоро возникъ вопросъ: есть ли въ ней эти три рода, или нѣтъ? — Повидимому, очень не на маловажное, сказалъ онъ: вѣдь можетъ быть и справедлива поговорка, Сократъ, что прекрасное трудно ¹. — Кажется, примолвилъ я. Да и то знай, Главконъ, D. что тѣмъ путемъ, котораго мы въ своей бесѣдѣ держались теперь, намъ, я думаю, никогда не достигнуть этого съ точностію; потому что къ этому ведетъ путь болѣе длинный и широкій; хотя, примѣнительно къ прежнимъ изслѣдованіямъ, прилично было бы взять намъ тотъ ². — Такъ не оставаться ли

¹ Прекрасное трудно, *χαλεπὰ τὰ καλά*: пословица, встрѣчающаяся также lib. VI, p. 450 D. Cratyl. p. 384 A. Hipp. Maj. p. 304 E. Это изреченіе Схолиастъ приписываетъ Солону.

² Сократъ разумѣетъ привычную себѣ, простую и доступную для понятія

на немъ? спросилъ онъ: вѣдь для меня, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, онъ былъ бы достаточенъ. — А меня-то и очень удовлетворить, сказалъ я. — Не затрудняйся же, примолвилъ онъ, и изслѣдывай. — Итакъ, не крайне ли необходимо согласиться намъ, продолжалъ я, что въ каждомъ изъ насъ есть тѣ самые роды и нравы, какіе въ городѣ? Вѣдь не откуда же, вѣроятно, все идетъ туда ¹. — Да и смѣшно было бы, еслибы кто подумалъ, что гнѣвливость приражается городамъ не частными лицами, которыя точно такими и оказываются, напримѣръ, во Фракіи, да въ Скиѳіи, и въ мѣстахъ еще выше; тогда какъ около нашихъ мѣстъ можно замѣчать особенно любознательность, а около Финикіи и Египта не менѣе ⁴³⁶. замѣтна склонность къ любостыжанію ². — И очень, сказалъ онъ. — Это-то такъ, примолвилъ я; это знать нетрудно. — Конечно. — Но слѣдующее уже трудно: — тѣмъ же ли самымъ дѣлаемъ мы каждое (дѣло), или, такъ какъ у насъ три (природы), то одною одно, — познаемъ, то-есть, тѣмъ, гнѣваемся

методу аналитическую, и говорить, что, пользуясь этою методою, нельзя въ изслѣдованіи предположеннаго предмета дойти до точности, что для этого требуется другой путь — длинный и широкій, синтетическій. Но такъ какъ послѣдній былъ бы слишкомъ широкъ и учень, а изслѣдованіи прежнимъ способомъ все же сообразны съ цѣлію труда; то онъ и рѣшается продолжать дѣло, идя тѣмъ же путемъ.

¹ *Все идетъ туда*, то-есть въ городъ. Общество, по ученію Платона, есть не иное что, какъ образъ, или собирательное выраженіе одного человѣка. Отсюда — *διὰ αὐτῶν καθάπερ ἓνα ἄνθρωπον ζῆν εἶναι*. Legg. VIII, p. 328 E. Итакъ, каковы нравы и наклонности частныхъ людей, такой характеръ получаетъ и общество; но не наоборотъ: общество, по своимъ законамъ и постановленіямъ, хорошее не ручается за добрую нравственность всѣхъ частныхъ лицъ.

² Финикіяне, по своей любостыжательности, въ древности не пользовались хорошимъ мнѣніемъ. См. *Boisson. ad Philostr. Heroic.* p. 286. Асть хорошо говорить: «Это мѣсто Платона замѣчательно: стихіи человѣческой природы и человѣческаго общества, τὰ θυμοειδῆς, τὰ ἐπιθυμητικὸν καὶ τὰ σαρόν, обнаруживаются не только въ отдѣльныхъ людяхъ, но характеризуютъ и отдѣльные государства. Соотвѣтственно природѣ вещей, τὰ θυμοειδῆς, или въ обществѣ — τὰ ἐπιθυμητικὸν, изъ чего происходитъ мужество, есть стихія, господствующая на сѣверѣ; τὰ ἐπιθυμητικὸν, или въ обществѣ — τὰ χρηματιστικόν, особенно господствуетъ на востокѣ, гдѣ люди преданы нѣгѣ и роскоши; а τὰ λογιστικὸν или φιλομαθῆς — преуспѣваетъ въ поясахъ умѣренныхъ, гдѣ больше процвѣтаетъ наука и образованіе.»

- этимъ въ насъ, а похотствуемъ опять чѣмъ-нибудь третьимъ, имѣющимъ отношеніе къ пищѣ, къ рожденію удовольствій и
- В. ко всему съ этимъ сродному, или, — когда стремимся къ чему-либо. относительно каждаго изъ тѣхъ предметовъ, — дѣйствуемъ цѣлою душою? Это трудно опредѣлить принадлежащему. — И мнѣ кажется, сказалъ онъ. — Такъ вотъ какъ приемся опредѣлять, то же ли это одно съ другимъ, или иное. — А какъ? — Явно, что то же, относительно къ тому же самому и для того же, не захочетъ вмѣстѣ дѣйствовать или терпѣть противное; такъ что, если въ томъ же мы найдемъ это (т. е.
- С. противное), то будемъ знать, что то же было не то же¹, а больше, чѣмъ то же. — Пусть. — Смотри же, что я говорю. — Говори, сказалъ онъ. — Возможно ли, чтообы одно и то же въ отношеніи къ одному и тому же стояло и двигалось? спросилъ я. — Никакъ невозможно. — Однакожь условимся въ этомъ еще точнѣе, чтобы, простираясь впередъ, не придти къ недоумѣнію. Вѣдь еслибы кто говорилъ, что человѣкъ стоитъ, а руками и головою движеть, и что (такимъ образомъ) онъ и стоитъ, и вмѣстѣ движется; то мы, думаю, не согласились бы, что такъ должно говорить, а (сказали бы), что одно въ немъ
- Д. стоитъ, другое движется. Не такъ ли? — Такъ. — Или, еслибы тотъ, кто лукаво утверждаетъ это, еще больше подшучивалъ, что-де и всѣ кубари стоятъ и вмѣстѣ движутся, когда вертятся, средоточіемъ уткнувшись въ одно мѣсто, да и всякое другое на своей подставкѣ вертящееся тѣло дѣлаетъ то

¹ Для ббльшаго проясненія этого мѣста, сравн. libg. I, p. 335 E; II, p. 357 A; X, p. 609 B: οὐκ ἔστιν εἰσόμενον, ὅτι βλεπόμενον οὐκ ἔν. *Math. Gr.* § 505, 2. Явно, что тутъ высказывается обыкновенная логическая формула закона противорѣчія: о томъ же нельзя утверждать не того же. Но Платонъ, какъ извѣстно, съ этими логическими формами всегда соединялъ содержаніе, то-есть бралъ ихъ реально и полагалъ, какъ первыя стихіи для развитія теоріи идей. Здѣсь свое ученіе объ идеяхъ прилагаетъ онъ къ рѣшенію предложеннаго сейчасъ вопроса: сама ли по себѣ дѣлаетъ каждая часть души, что дѣлаетъ, или все совершаемое въ душѣ, которою бы ея природою что-либо ни совершалось, совершается цѣлою душою? Рѣчь Платона въ этомъ мѣстѣ довольно сжата и потому темна; для сего послѣ словъ: ἐν αὐτοῖς ταῦτα γυρομένη, я повторяю въ знакъ вмѣстительномъ τὰναντίον — *противное*; а фразу ἄλλὰ πλείονα дополняю словами: ἢ τούτων — *чѣмъ то же*.

же самое,—мы, конечно, не приняли бы этого,—потому что такія вещи вертятся и не вертятся въ отношеніи не къ одному и тому же,—а сказали бы, что въ нихъ есть прямое и круглое, и что по прямоутѣ онѣ стоятъ, ибо никуда не уклоняются, а по окружности совершаютъ круговое движеніе. Когда же эта прямота, вмѣстѣ съ обращеніемъ окружности, уклоняется направо либо налѣво, впередъ либо назадъ, тогда въ вещи уже ничто не можетъ стоять.—И справедливо, сказалъ онъ. — И такъ, насъ не изумитъ никакое подобное положеніе и уже не увѣритъ, будто что-нибудь, будучи тѣмъ же въ отношеніи къ тому же и для того же, иногда можетъ терпѣть или дѣлать противное.—Меня-то не увѣритъ, ска- 437. залъ онъ.—Впрочемъ, продолжалъ я, чтобы, чрезъ разсужденіе о всѣхъ такихъ недоумѣніяхъ и чрезъ доказываніе ихъ несправедливости, не подвергаться намъ необходимости растягивать свою рѣчь,—мы положимъ это за вѣрное и пойдемъ впередъ съ условіемъ, — еслибы иное показалось намъ иначе, а не такъ, — рѣшать все, заключая отъ этого. — Такъ и надобно дѣлать, сказалъ онъ. — Хорошо, — согласіе и несогласіе, желаніе взять что-нибудь и отрицаніе, приведеніе къ В. себѣ и удаленіе отъ себя, и всѣ такія—дѣйствія ли то будутъ или страданія, (различія здѣсь нѣтъ никакого), — не поставишь ли ты въ числѣ предметовъ противоположныхъ одинъ другому? спросилъ я.—Конечно, въ числѣ противоположныхъ, сказалъ онъ.—Но что? продолжалъ я, жажданія и алканія, вообще пожеланій, также хотѣнія и стремленія, — всего этого не причтешь ли ты какъ-нибудь къ тѣмъ родамъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили? то-есть, душу желающаго не назовешь С. ли душою, всегда стремящеюся къ тому, чего она желала бы, или привлекающею то, что хотѣла бы она имѣть при себѣ, или опять душою, сколько хочется ей пріобрѣсть чего-нибудь, соглашающеюся на это, какъ-будто кто спрашиваетъ ее, и домогающеюся, чтобы это было?—Причту.—Ну, а отвращенія, нехотѣнія и нежеланія не отнесемъ ли мы къ отогнанію и удаленію отъ души, и ко всему, что противно прежнему?—

- D. Какъ не отнестъ? — Если же это такъ, то желанія не признаемъ ли мы нѣкоторымъ родомъ, живѣйшими же желаніями не сочтемъ ли тѣхъ, изъ которыхъ одно называется жаждою, а другое голодомъ? — Сочтемъ, сказалъ онъ. — Но первое не есть ли желаніе питья, а послѣднее — пищи? — Да. — Итакъ, поколику есть жажда, — бѣльшаго ли чего жаждетъ душа, чѣмъ того, о чемъ мы говорили? то-есть, жажда есть ли жажда теплаго питья либо холоднаго, многого либо немногаго, — однимъ словомъ: какого-нибудь ¹? А какъ скоро
- E. къ жадѣ прибавилось бы теплое, не пробудилось ли бы этимъ желаніе холоднаго, либо, когда холодное, — желаніе теплаго? Если же, чрезъ присущіе многоразличія, жажда была бы многоразлична, то не пробудилось ли бы этимъ желаніе многоразличнаго, либо, когда немногоразлична, — желаніе немногоразличнаго? Или самое жажданіе есть желаніе не иного чего, какъ ему сроднаго, то-есть просто питья, равно какъ голодъ есть желаніе просто пищи ²? — Такъ, сказалъ онъ; самое-то желаніе, взятое отдѣльно, есть желаніе только отдѣльнаго, что
438. ему сродно: а такое или такое (питье), это (ограниченія) привзошедшія. — Но какъ бы кто-нибудь не возмущилъ насъ, будто людей недалновидныхъ, говоря, что всякій жаждетъ не питья, а пригоднаго питья, и не пищи, а пригодной пищи. Вѣдь всѣ желаютъ себѣ благъ; слѣдовательно, если жажда

¹ Мысль такова: жажда, разсматриваемая какъ жажда, сама по себѣ, жаждетъ ли чего-нибудь больше, кромѣ того, что мы говоримъ, то-есть кромѣ питья? Когда мы опредѣляемъ понятіе жажды, нужно ли намъ, для опредѣленія ея, не только питье, котораго собственно жадемъ, но еще питье теплое либо холодное, въ большемъ или маломъ количествѣ? Вообще, когда говорится просто о жадѣ, берется ли въ расчетъ качество и количество питья? Подъ словами *ποῖόν τινος πώματος* надобно разумѣть не *ποῖόντις* въ смыслѣ тѣснѣйшемъ, а *τὸ ποῖον* — форму, или ограниченіе жажды какими бы то ни было, количественными или качественными признаками.

² *Желаніе*, — *ἐπιθυμία*, и *желаніе само по себѣ*, — *αὐτὴ ἢ ἐπιθυμία*, Платонъ различаетъ такъ, что первое есть родъ природы пожелательной, и формы ея многоразличны; такъ что, какъ скоро пробуждается желаніе теплаго, тотчасъ противуполагается нежеланіе холоднаго, и вообще, она есть желаніе *τοῦ τοῖου ἢ τοῖου*: напротивъ, послѣднее есть желаніе въ значеніи чистой идеи силы, дѣйствующей въ нѣдрѣ ума и тождественной съ свободою.

есть желаніе, то оно должно быть желаніемъ пригоднаго — питья ли то, или чего другаго подобнаго: то же — и прочія желанія. — Да можетъ быть и дѣло сказалъ бы тотъ, кто сказалъ бы такъ, замѣтилъ онъ. — Однакожь все такое, что поставлено въ связь съ чѣмъ-нибудь, по нѣкоторымъ качествамъ, относится, какъ я думаю, къ извѣстному качественному предмету, а что существуетъ само по себѣ, то относится толь: о къ себѣ ¹. — Не понимаю, сказалъ онъ. — Не понимаешь того, возразилъ я, что большее бываетъ больше чего-нибудь? — О, конечно. — Значить, меньшаго? — Да. — Поэтому, и гораздо большее — гораздо меньшаго; не правда ли? — Да. — Слѣдовательно, и нѣкогда большее — нѣкогда меньшаго, и будущее большее — будущаго меньшаго? — Да какже, сказалъ онъ. — Не такъ же ли относится и множайшее къ немногому, и двукратное къ половинному, и все подобное? не такъ же ли опять — тяжелѣйшее къ легчайшему, скорѣйшее — къ медленнѣйшему, да и теплое къ холодному, и все тому подобное? — Безъ сомнѣнія. — А что сказать о наукахъ? не то же ли отношеніе? Сама-то наука есть наука о ея ученіи, — въ чемъ бы ни надлежало полагать его; а наука нѣкоторая, и нѣкоторая качественная, есть знаніе чего-то качественного. Разсуждаю такъ: не знаніемъ ли своего дѣла наука отличается отъ другихъ наукъ, когда называется домостроительствомъ? — Какже. — Стало-быть, не тѣмъ ли, что она такова, какою не бываетъ ни одна изъ нихъ? — Да. — Слѣдовательно, поелику она есть наука какого-нибудь предмета, и сама дѣлается какою-нибудь наукою? и такимъ же образомъ прочія искусства и науки? — Правда. — Такъ вотъ и полагай, что это-то хотѣлось мнѣ тогда сказать, примолвилъ я, если теперъ ты

¹ Что поставлено въ связь съ чѣмъ-нибудь, *οἷα εἶναι τοῦ*, то-есть, *ὧστε εἶναι πρὸς τι*. Всякая вещь имѣетъ нѣкоторыя свойства существенныя, по которымъ она существуетъ сама по себѣ и для себя: съ этой стороны существованіе ея самостоятельно или безусловно. Но во всякой вещи есть и такія качества, по которымъ она есть вещь для другихъ вещей, и чрезъ которыя находится въ связи съ ними: съ этой стороны бытіе ея называется относительнымъ. Это различіе между сторонами одной и той же вещи Платонъ далѣе объясняетъ примѣрами.

понялъ, что все, поставленное въ связь съ чѣмъ-нибудь, одно, Е. само по себѣ, принадлежитъ себѣ одному, а по нѣкоторымъ качествамъ, принадлежитъ чему-нибудь качественному. Впрочемъ, разумѣю не то, будто, чему что принадлежитъ, таково то и есть, будто, на примѣръ, наука о здоровомъ и больномъ здорова и больна, а о зломъ и добромъ—зла и добра ¹: нѣтъ, но поколику она стала наукою не того, чего есть наука, а какого-либо качественного предмета, именно здоровья и болѣзни,—ей и самой пришлось сдѣлаться качественною, и это заставило назвать ее уже не просто наукою, но съ прибавленіемъ нѣкотораго качества,—медициною. — Понялъ, сказалъ 439. онъ, и мнѣ кажется, это такъ. — А жажда? продолжалъ я. — Не отнесешь ли ты и ее къ чему-нибудь такому, что есть? Вѣроятно, и жажда есть жажда чего-нибудь?—Конечно; я отнесу ее къ питью, отвѣчалъ онъ. — Но между тѣмъ какъ качествомъ извѣстнаго питья опредѣляется качество и жажды, самая жажда опять не бываетъ ли жаждою не многого и не малаго, не хорошаго и не худаго, однимъ словомъ—не какого-нибудь, а только самого питья?—Безъ сомнѣнія.—Слѣдовательно, душа жаждущаго, поколику жаждетъ, не хочетъ ничего болѣе, какъ жаждать; къ этому она направляется и къ этому стремится. — Ужъ конечно. — Посему, что отвлекаетъ ее отъ жажданія, когда она жаждетъ; то не есть ли въ ней нѣчто отличное отъ самага жаждущаго и ведущаго ее, будто животное, къ питью? Вѣдь то же-то, въ отношеніи къ тому же, говоримъ мы, не дѣлаетъ противнаго самому себѣ. — Конечно. — Такъ-то и о стрѣлкѣ, думаю, нехорошо было бы сказать, будто его руки въ одно и то же время тянутъ лукъ и къ себѣ и отъ себя, но слѣдуетъ полагать, что одна рука тянетъ С. его отъ себя, другая къ себѣ. — Безъ сомнѣнія. — А скажемъ ли, что есть люди, нехотящіе пить, когда они жаждутъ?—Да

¹ Это замѣчаніе Сократа напоминаетъ о многихъ умозаключеніяхъ или софизмахъ Эвтидема и Діонисіодора, которые, принимая относительные признаки вещей за существенные и существенные — за относительные, изъ своихъ посылокъ легко выводили слѣдствія самыя нелѣпыя. См. Euthyd. passim.

и очень много; это часто случается. отвѣчалъ онъ. — Что же подумать о нихъ? спросилъ я: не то ли, что въ душѣ ихъ есть одно повелѣвающее, а другое возбраняющее пить, и что послѣднее отлично отъ повелѣвающего и господствуетъ надъ нимъ? — Миѣ кажется, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно, возбраняющее не по разуму ли внушаетъ это, если внушаетъ? а что ведетъ и влечетъ, не отъ страстей ли происходитъ и болѣзней? — Явно. — Такъ не безразсудно, сказалъ я, мы будемъ здѣсь признавать двойственное и взаимно различное: — одно, чѣмъ душа разумѣетъ, называя разумностию души, а другое, чѣмъ она любитъ, алчетъ, жаждетъ и влечется къ инымъ пожеланіямъ, — неразумностию и пожелательностию — подругою восполненія какихъ-нибудь наслажденій¹ и удовольствій. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, мы по справедливости можемъ такъ думать. — Пусть же, сказалъ я, будутъ у насъ теперь разграничены два имѣющихся въ душѣ вида. Но видъ гнѣвливости, или то, чѣмъ мы гнѣваемся, есть ли третій, или онъ однороденъ съ которымъ-нибудь изъ этихъ²? — Можетъ быть, съ однимъ изъ этихъ, — съ пожелательностию, отвѣчалъ онъ. — Однакожъ нѣкогда носился слухъ, сказалъ я, и можно вѣрить, что Леонтій, сынъ Аглайона, возвращаясь изъ Пирея по дорогѣ за сѣверною стѣною, замѣтилъ лежавшія на лоб-

¹ Что разумную и неразумную природу души Платонъ противопоставлялъ одну другой; — это во многихъ мѣстахъ его сочиненій высказано ясно (Tim. p. 69 C. Phaedr. p. 237 E. Сравни. *Aristot. Magn. Mor. I, p. 1182. 23*). Но рѣшеніе вопроса о природѣ гнѣвливой или раздражительной у Платона заключаетъ менѣе определенности. Въ этомъ отношеніи вѣрише всего то, что природу раздражительную онъ поставляетъ въ срединѣ между разумною и неразумною, такъ что почитаетъ ее центральной силою самочувствія. Въ природѣ раздражительной сотворенные боги какбы положили собственный свой образъ; поэтому *ἑμὸς* въ человѣческой душѣ есть τὸ δαιμόνιον — божественное, среднее между Богомъ и смертностію. Πῶς τὸ δαιμόνιον μεταξὺ ἐστὶ θεοῦ τε καὶ ἑμῆτος. Conv. 202 D. О природѣ души, по ученію Платона, много говорили — *Alcinous de doctr. Plat. c. 23, 24. Diog. Laërt. vit. Plat. III, § 67. Davis ad Ciceron. Tuscul. II, 20. IV, 5. Tennet. System. philos. Plat. T. III, p. 50 sq.*

² Подругою восполненія какихъ-нибудь наслажденій у Платона коротко: *πληρωτέων τιῶν* — ἐπιζῆρον. Всякое желаніе природы пожелательной предполагаетъ *κένωσιν τινα*, которое должно быть восполнено.

- ной площади¹ трупы и, то желая видѣть ихъ, то опять чувствуя омерзѣніе и отворачиваясь, сколько ни боролся самъ съ собою и ни закрывался, наконецъ, побѣждаемый желаніемъ, раскрылъ глаза и, побѣждавъ къ трупамъ, сказалъ: вотъ вамъ, злые духи, — насытитесь этимъ прекраснымъ зрѣлищемъ! — Слышалъ объ этомъ и я, примолвилъ онъ. — Но такой рассказъ показываетъ, что гнѣвъ иногда враждуетъ противъ пожеланій, какъ нѣчто отъ нихъ отличное. — Конечно показываетъ, сказалъ онъ. — Не часто ли замѣчаемъ мы и въ другихъ случаяхъ, продолжалъ я, что когда пожеланія
- В. насилуютъ человѣка вопреки смыслу, — онъ самъ бранитъ насиліе въ себѣ и гнѣвается на него, и что гнѣвъ въ такомъ человѣкѣ, при междоусобіи двухъ его сторонъ, бываетъ какъ бы союзникомъ ума? А чтобы онъ вступалъ въ союзъ съ пожеланіями, когда умъ совѣтуетъ не противодѣйствовать, — того, согласишь, ты никогда не замѣчалъ, думаю, ни въ себѣ самомъ, ни въ другомъ. — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ. — Что же? продолжалъ я: кто думаетъ, что имъ совершенно
- С. на обида, тотъ, — чѣмъ благороднѣе будетъ онъ, тѣмъ менѣе станетъ раздражаться, хотя бы терпѣлъ голодъ, костенѣлъ отъ стужи и переносилъ другое тому подобное, если находить, что подвергающій его этому поступаетъ справедливо: гнѣвъ, какъ говорю, не захочетъ противъ него возбуждаться. — Правда, сказалъ онъ. — Что же опять? кто думаетъ, что терпитъ обиду, тотъ не разгорячается ли этимъ самымъ, не досадуетъ ли, не присоединяется ли къ тому, что кажется справедливымъ,
- D. не готовъ ли терпѣть и голодъ, и холодъ, и все подобное, чтобы терпѣніемъ побѣдить, и разстается ли съ благородными чувствованіями, пока либо не совершитъ своего дѣла, либо не умретъ, либо не укротится, бывъ отозванъ своимъ умомъ, какъ собака — пастухомъ? — И въ самомъ дѣлѣ, гнѣвъ походитъ на

¹ На лобной площади, *παρά τῷ δημίῳ*, то-есть на мѣстѣ, гдѣ преступники подвергаемы были публичной казни. *Tib. Hemsterhus. Anecd. T. I, p. 252.* Объ упоминаемой здѣсь сѣверной стѣнѣ говорится *Plat. Lys. p. 202 A. ἐπορευόμεην ἔν ἐξ Ἀκαδημίας εὐθὺ Λυκείου τὴν ἑξω τεύχος ὑπ' αὐτὸ τὸ τεύχος.*

то, чему ты подобляешь его, примолвилъ онъ. Вѣдь на почитателей въ своемъ городѣ мы дѣйствительно смотрѣли какъ на собакъ, послушныхъ пастухамъ города—правителямъ.— Ты хорошо понимаешь, чѣмъ хочется мнѣ выразить, примолвилъ я; но кромѣ этого, вникни въ слѣдующее. — Во что такое? — Въ то, что касательно гнѣвливости намъ представляется нѣчто противное прежнему: тогда мы почитали ее чѣмъ-то пожелательнымъ; а теперь говоримъ далеко не то, — теперь, при междоусобіи души, она гораздо скорѣе принимаетъ оружіе за разумность. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Такъ гнѣвливость есть ли видъ, неотличный ¹ отъ этого — отъ разумности, чтобы въ душѣ имѣлось не три, а два вида — разумность и пожелательность? Или, какъ городъ составленъ изъ трехъ родовъ — промышленнаго, вспомогательнаго и совѣ- 441. товательнаго, такъ и въ душѣ эта гнѣвливость есть третіе, служащее къ охраненію того, что разумно по природѣ, если только она не испорчена дурнымъ воспитаніемъ? — Необходимо третіе, сказалъ онъ. — Да, примолвилъ я, покажись лишь она чѣмъ-то отличнымъ отъ разумности, какъ показала отличною отъ пожелательности. — Но показаться ей нетрудно, замѣтилъ онъ; вѣдь это-то можно видѣть и въ дѣтяхъ: они тотчасъ исполняются гнѣвомъ, между тѣмъ какъ иныя изъ нихъ никогда не получаютъ смысла, а многія — уже позд- В. но. — Клянусь Зевсомъ, ты хорошо сказалъ. Что слова твои справедливы, можно видѣть и въ животныхъ. Да сверхъ того, объ этомъ же свидѣтельствуешь и приведенный нами гдѣ-то выше стихъ Омира ²:

Онъ въ грудь ударилъ себя и съ словомъ къ душѣ обратился. Вѣдь здѣсь-то Омиръ ясно уже изобразилъ, какъ однимъ — разумностію, которая рассчитываетъ лучшее и худшее, с. укоряется другое начало — неразумная гнѣвливость. — Очень ясно, сказалъ онъ; ты правду говоришь.

¹ Почти нельзя сомнѣваться, что здѣсь, вмѣсто *ἄρα οὐκ ἕτερον*, надобно читать: *ἄρα οὐχ ἕτερον*.

² *Hom. Odys. III, 4.*

Значить, наконецъ мы кое-какъ переплыли это и понадежающему согласились, что одни и тѣ же роды имѣются и въ городѣ, и въ душѣ каждаго человѣка, и что числомъ они равны, сказалъ я. — Такъ. — Не необходимо ли и то уже, что какъ и чѣмъ мудръ городъ, такъ и тѣмъ мудръ и частный гражданинъ? — Почему же нѣтъ? — А какъ и чѣмъ опять му-
 D. жественъ частный гражданинъ, такъ и тѣмъ мужественъ и городъ, и касательно добродѣтели такимъ же образомъ, должно быть все другое — какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ. — Необходимо. — Да и справедливымъ-то, Главконъ, мы назовемъ человѣка, думаю, потому же самому, почему справедливъ былъ городъ. — И это весьма необходимо. — Вѣдь мы еще не забыли, безъ сомнѣнія, что городъ былъ справедливъ-то, поколику изъ трехъ его родовъ каждый въ немъ дѣлаетъ
 E. свое. — Миѣ кажется, не забыли, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, должны помнить, что и между нами каждый будетъ человѣкомъ справедливымъ и дѣлателемъ своего, если изъ находящихся въ насъ частей всякая станетъ дѣлать свое. — Конечно, должны помнить, сказалъ онъ. — Значить, разумности, такъ какъ она мудра и имѣетъ попеченіе о всей душѣ, не слѣдуетъ ли начальствовать, а гнѣвливости — покоряться и помогать ей? — И очень. — Но не сочетаніе ли музыки и гимнастики, какъ мы говорили, сдѣлаетъ ихъ согласными, одну
 442. напрягая и питая прекрасными рѣчами и науками, а другую ослабляя, смягчая и умѣряя гармоніей и риемомъ. — Совершенно такъ, сказалъ онъ. — Воспитанная же такимъ образомъ и поистинѣ узнавъ и изучивъ свое дѣло, онѣ потомъ начнутъ управлять пожелательностію, которая въ душѣ каждаго есть наибольшая и, по природѣ, обнаруживаетъ самое ненасытное корыстолюбіе, — и будутъ наблюдать, чтобы, преисполнившись такъ называемыхъ тѣлесныхъ удовольствій, разботѣвъ и сдѣлавшись сильною, она не выступила за предѣлы своего дѣла, не вознамѣрилась поработить и подчинить
 B. себѣ тѣ роды, вопреки ея долгу, и не извратила цѣлой жизни всѣхъ. — Конечно, сказалъ онъ. — Такимъ образомъ, про-

должалъ я, не будутъ ли онѣ прекрасно охранять всю душу и тѣло и отъ внѣшнихъ непріятелей—одна своими совѣтами, другая сраженіями, слѣдуя въ этомъ части начальствующей и мужественно исполняя ея предписанія? — Такъ. — Да и мужественнымъ-то по этой, думаю, послѣдней части назовемъ мы каждаго, когда, то-есть, гнѣвливость его, среди скорбей и удовольствій, будетъ соблюдать предписанія ума о страш- С. номъ и нестрашномъ. — Правда, сказалъ онъ. — А мудрымъ, —ужь конечно, по той малой части, которая начальствуетъ въ немъ и предписываетъ это, такъ какъ она же имѣетъ и знаніе, что полезно каждой изъ частей и цѣлой совокупности трехъ ихъ. — Безъ сомнѣнія. — Что же? разсудительнымъ опять — не по дружеству ли и согласію этихъ послѣднихъ, D. когда и начальствующее начало, и подчиненныя слѣдуютъ одному мнѣнію, съ увѣренностію, что управлять должна разумность, и что возмущаться противъ ней не слѣдуетъ. — Разсудительность, отвѣчалъ онъ, и въ городѣ, и въ частномъ гражданинѣ, дѣйствительно, есть не иное что, какъ это. — Ну а справедливый-то будетъ справедливъ такъ и потому, какъ и почему мы часто называемъ его такимъ. — Совершенно необходимо. — Но что? спросилъ я, — какъ бы не споткнуться намъ на значеніе справедливости, отличное отъ того, какое имѣла она въ городѣ? — Мнѣ не думается, отвѣчалъ онъ. — Въдь если въ нашей душѣ, продолжалъ я, остается еще какое недоумѣніе; то мы можемъ совершенно утвердить свои мыс- E. ли, противопоставивъ имъ нелѣпости. — Какія нелѣпости? — Пусть бы, на примѣръ, мы согласились касательно того города и, какъ по природѣ, такъ и по воспитанію, подобнаго ему человѣка: не можетъ ли показаться, что, принявъ залогъ золота или серебра, этотъ человѣкъ растратитъ его? Подумаетъ ли кто, по твоему мнѣнію, что онъ сдѣлаетъ это ско- 443. рѣе, чѣмъ всѣ не такіе? — Никто, сказалъ онъ. — Не чуждъ ли онъ будетъ и святотатства, и хищенія и предательства, какъ частнаго, въ отношеніи къ друзьямъ, такъ и публичнаго, въ отношеніи къ городу? — Чуждъ. — Равно никакъ не позволитъ

онъ себѣ вѣроломства въ клятвахъ, или въ иныхъ обѣщаніяхъ. — Какъ можно? — А любодѣяніе, безопасность о родителяхъ и непочитаніе боговъ скорѣе подойдетъ ко всякому другому, чѣмъ къ нему. — Да, скорѣе ко всякому, сказалъ онъ. —

В. И не та ли причина всего этого, что каждая часть его, въ начальствованіи и послушаніи, дѣлаетъ у него свое? — Конечно эта, а не другая какая-нибудь. — Такъ ищешь ли ты еще иной справедливости, кромѣ той силы, которая и людей и городъ приводитъ въ такое состояніе? — Клянусь Зевсомъ, не ищу, сказалъ онъ. — Значить, наше сновидѣніе, которое мы

С. называли догадкою, наконецъ исполнилось; ибо едва только начали мы создавать городъ, — вдругъ, подъ руководствомъ, кажется, нѣкоего бога, нашли начало и отпечатокъ справедливости. — Безъ сомнѣнія. — То-то и было, Главконъ, нѣкоторымъ ея образомъ (отчего это и полезно), что по природѣ башмачникъ долженъ хорошо шить башмаки, а въ другія дѣла не мѣшаться, что плотникъ долженъ плотничать, и прочіе такимъ же образомъ. — Видимо. — Справедливость, какъ выходитъ, въ самомъ дѣлѣ есть нѣчто такое, — и притомъ не

Д. по внѣшней своей дѣятельности, а истинно по внутренней, — по себѣ и своему, такъ какъ она никому не позволяетъ дѣлать чужое, и родамъ души — братья за многое насчетъ другъ друга. Распоряжаясь, какъ слѣдуетъ, своимъ, правя и украшая свое и будучи другомъ себѣ, она настраиваетъ эти три рода, точно будто три предѣла гармоніи — высшій, низшій, средній

Е. и, если есть, — другіе, промежуточные, — всѣ ихъ связуетъ и, становясь однимъ изъ многихъ, мѣрнымъ и согласнымъ, дѣйствуетъ такъ, что, касается ли дѣло пріобрѣтенія денегъ, или попеченія о тѣлѣ, или совѣщаній о чемъ-нибудь политическомъ либо частномъ, — во всѣхъ случаяхъ дѣйствіе справедливое одобряетъ и называетъ хорошимъ, когда имъ поддерживается это отношеніе родовъ и усовершенствуется, а мудростію почитаетъ знаніе, этимъ дѣйствіемъ управляющее, не-
444. справедливое же дѣло, всегда разрушающее его, и мнѣніе, надъ нимъ начальствующее, именуется невѣжествомъ. — Безъ

сомнѣнія, сказалъ онъ; ты правду говоришь, Сократъ.—Пускай, примолвилъ я. Значить, если мы положимъ, что справедливый человѣкъ, справедливый городъ и живущая въ нихъ справедливость — найдены; то не покажется, думаю, будто мы въ заблужденіи. — Отнюдь нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—Такъ утвердимъ это?—Утвердимъ.—

Пускай, сказалъ я. Теперь, думаю, надобно изслѣдовать несправедливость.—Явно, что это.—Не должна ли она быть нѣкоторымъ возмущеніемъ опять тѣхъ же трехъ родовъ, в. то-есть: многозатѣйливостію, вмѣшательствомъ и возстаніемъ одной части противъ всей души, чтобы начальствовать надъ нею, тогда какъ къ ней это нейдетъ, тогда какъ по природѣ она такова, что должна служить роду дѣйствительно господствующему? Вѣдь что-то такое, думаю, будемъ мы разумѣть подъ ихъ волненіемъ, то-есть, разумѣть заблужденіе, несправедливость, распутство, трусость, невѣжество, и вообще всякое зло.—Это, именно это, сказалъ онъ.—Но дѣлать не с. правду и обижать, или опять, поступать справедливо, — все это, продолжалъ я, не ясно ли уже открывается, если ясны несправедливость и справедливость?—Какъ это?—Такъ, сказалъ я, что онѣ ничѣмъ не отличаются отъ состояній человѣка здороваго и больнаго; только первыя состоянія бывають въ душѣ, а послѣднія—въ тѣлѣ.—Какимъ образомъ? спросилъ онъ.—Состоянія здоровыя, конечно, сообщаютъ здоровье, а болѣзненные—болѣзни.—Да.—Не такъ же ли и дѣятельность справедливая сообщаетъ справедливость, а несправедливая— несправедливость?—Необходимо.—Но сообщить здоровье не значитъ ли—части тѣла поставить въ состояніе господствованія и подчиненности, свойственное каждой по природѣ? а d. сообщеніе болѣзни не въ томъ ли состоитъ, что онѣ господствуютъ и подчиняются несогласно съ природою?—Конечно въ томъ.—И опять, продолжалъ я, сообщать справедливость не значитъ ли—части души поставятъ въ состояніе господствованія и подчиненности соотвѣтственно ихъ природѣ? а сообщеніе несправедливости не тѣмъ ли обнаруживается, что

онѣ начальствуютъ и подчиняются одна другой вопреки природѣ?—Совершенно такъ.—Слѣдовательно добродѣтель, какъ видно, должна быть нѣкоторымъ здравіемъ, красотою и благо-
 Е. госостояніемъ души, а зло — ея болѣзнию, безобразіемъ и слабостью.—Точно такъ.—И не справедливо ли равнымъ образомъ, что хорошія упражненія способствуютъ къ пріобрѣтенію добродѣтели, а постыдныя — къ пріобрѣтенію зла? — Необходимо.—

Итакъ, намъ остается, повидимому, изслѣдовать, полезно
 445. ли дѣлать правое, совершать похвальное и быть справедливыми, хотя бы скрывался такой дѣлатель, хотя бы не скрывался;—или полезнѣе наносить обиды и быть несправедливыми, если только не настоитъ опасность подвергнуться наказанію и чрезъ наказаніе сдѣлаться лучшимъ.— Но это изслѣдованіе, Сократъ, мнѣ кажется, было бы уже смѣшно. Если
 В. и отъ поврежденія природы тѣлесной жизнь не кажется жизнью, хотя бы при этомъ были всякія блюда и напитки, великія богатства и высокіе титулы; то будетъ ли жизнь въ жизнь, когда возмущена и повреждена та самая природа, которою мы живемъ, хотя бы позволено было дѣлать все, что хочешь, кромѣ того только, чѣмъ можно избавиться отъ зла и неправды, —пріобрѣсть справедливость и добродѣтель? Такъ я думаю, когда представляю наши изслѣдованія о справедливости и несправедливости.—Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно, сказалъ я; однакожъ, если мы пришли къ тому, изъ чего яснѣйшимъ образомъ можно видѣть, что это такъ; то не должны бояться труда. — Всего менѣе испугаемся, клянусь Зевсомъ, сказалъ
 С. онъ. — Такъ теперь сюда, продолжалъ я, чтобы замѣтить и виды, въ которыхъ, по моему мнѣнію, является зло; а это тоже достойно созерцанія.—Слѣдую, сказалъ онъ; только говори.— Но стой; на этой степени изслѣдованія, примолвилъ я, мнѣ представляется, будто бы въ зеркалѣ, что видъ добродѣтели — одинъ, а виды зла безчисленны, и что между ними есть четыре, о которыхъ стоитъ упомянуть.— Какъ понимаешь ты это? спросилъ онъ. — Сколько есть извѣстныхъ обра-

зовъ правленія, сказалъ я, столько, вѣроятно, есть и образовъ души. — Сколько же ихъ? — Пять въ дѣлѣ правленія, отвѣчалъ D. я, пять и въ душѣ. — Скажи же, какіе они? спросилъ онъ. — Говорю, отвѣчалъ я, что у насъ разсматриваемъ былъ одинъ образъ правленія; но его можно называть двойко. Если власть, предпочтительно предъ правителями, сосредоточена въ одномъ человѣкѣ, — образъ правленія называется царствованіемъ; а когда она раздѣлена между многими, — аристократією. — Правда, сказалъ онъ. — Такъ это у меня одинъ видъ, примолвилъ я; потому что многіе ли будутъ царствовать или одинъ, — пользуясь воспитаніемъ и тѣми знаніями, о которыхъ мы говорили, они ничего не измѣнятъ въ достоуважаемыхъ законахъ города. — И не слѣдуетъ, сказалъ онъ.
